

[Polaris]

БУХТА

СТРАХА

Забытая палеонтологическая фантастика

Том IV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XVI

Salamandra P.V.V.

БУХТА СТРАХА

**Забывтая
палеонтологическая
фантастика**

Том IV

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Бухта страха: Забытая палеонтологическая фантастика. Том IV. Сост. и комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 145 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XVI).

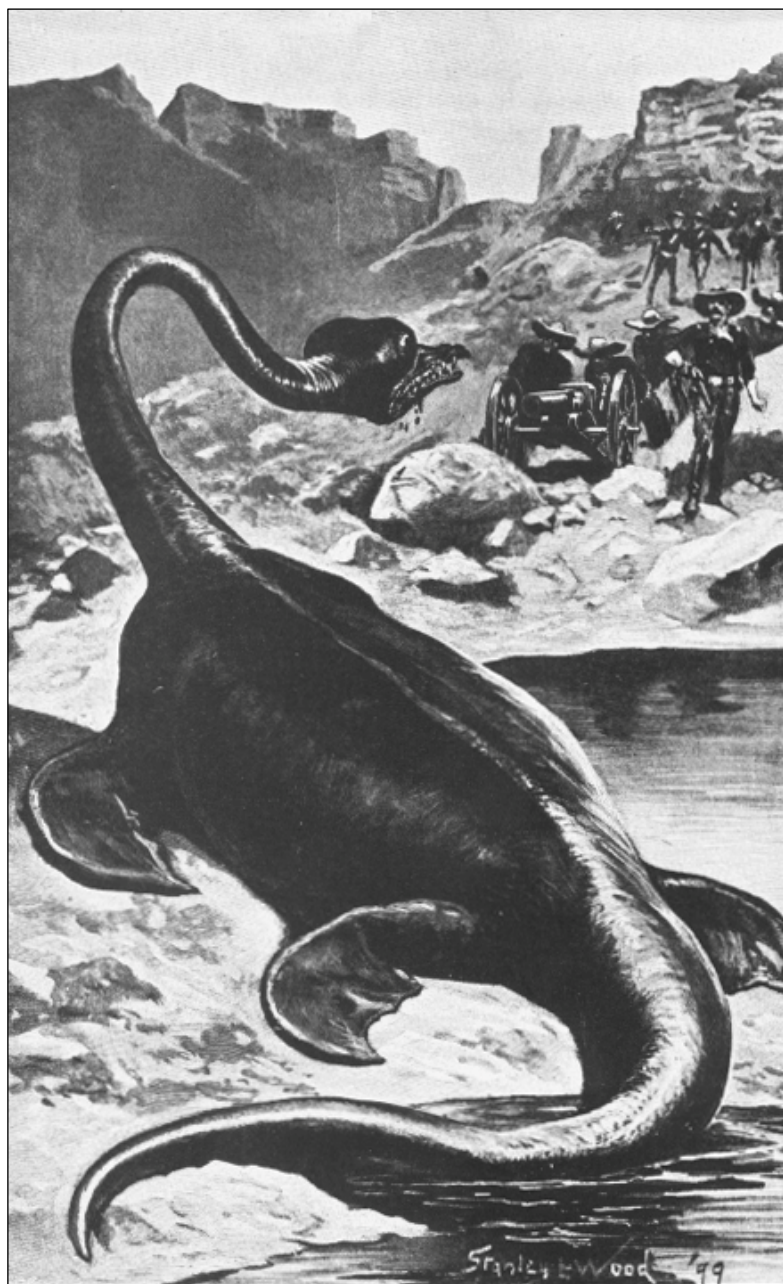
Палеонтологическая фантастика – это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это – захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это – повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Антология «Бухта страха» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций забытой палеонтологической фантастики. В книгу включены произведения русских и зарубежных авторов, впервые изданные в 1870-1940-х гг. и извлеченные из редких ныне журналов. Некоторые вошедшие в «Бухту страха» произведения впервые переведены на русский язык. В издании сохранены оригинальные иллюстрации, составляющие неотъемлемую часть первых публикаций.

© Авторы

© М. Fomenko, переводы, комментарии

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2013

БУХТА СТРАХА

А. Фористер

МЕГАНЕЙРА

Рисунки А. Медельского

Тайга... Бесконечная северная тайга... Корявые, обомшелые лиственницы, покрытый багульником кочкарник и мягкий, розоватый, полный хлюпающей воды сфагнум – болотный мох. Наступишь – мох вдавится, швякнет, и следок ноги заполнится водой. Кое-где брусника, краснеющая на бледном мху, как капли крови. Багульник цветет: белые пучки цветов испускают назойливый, приторный запах.

На лиственничной мари жарко и парно: соленый пот заливает глаза и скатывается с висков по щекам. Глухо позванивают боталы. Таежные кони один за другим, опустив головы и шаркая по стволам переметными сумами, медленно, шаг в шаг, идут вслед за конюхом. За ними по вьющейся тропке растянулась гуськом разведывательная партия: первым идет Александр Иванович, горный инженер и начальник, сзади него – биолог Говорков Захар Иванович. Их так и зовут – наши Иванычи. Говоров весь обвешан сумками, сумочками, бутылками и коробочками. По временам он нагибается и что-то разбирает во мху. Из-за него приходится останавливаться всем идущим сзади.

– Да идите вы Захар Иванович! Ведь этак мы и до завтра не дойдем до табора.

Это говорит Миша. Официальное его звание – геодезист, но так как во время переправы через разлившуюся реку погибли все геодезические инструменты, то специальность Ми-

ши теперь довольно неопределенная: он стреляет дичь, охотится на белок, собирает к чаю бруснику, помогает рыть шурфы и добывает образцы почвы. В общем, здесь он – человек полезный.

За Мишей идут двое бородачей-приискателей, дальше – трое молодых парней, еще новичков в таежной работе. Наконец сзади всех плетется Ричка – белая короткошерстая собака. Она бредет, свесив язык, опустив голову и прихлебывая по пути воду из мокрых следков.

Бухает централка... Ричка по старой памяти на мгновение тыкается вперед, но сейчас же останавливается и опять сменит позадн всех.

Партия в тайге вот уже два месяца. И ищет она... Да все, что найдет ценного и нужного. Александр Иванович – он хитрый и в глубине души надеется на что-нибудь вроде золота, платины или даже какого-нибудь там иридия или осмия. Хотя не брезгует он и простым железом... А вот для Захара Ивановича дело здесь обстоит несколько хуже: мох, глина, клюква и вода... Да еще вечная мерзлота: круглый год здесь земля не оттаивает. Тысячи лет она в таком состоянии. И здесь, в этой самой мерзлоте – большой интерес для Захара Ивановича. Но пока он свое дело держит в секрете и даже Мише ничего не говорит по этому поводу. И тот немного сердится. Что за секреты?..

– Захар Иванович, а я знаю, что вы там в мерзлоте ищите...

– Ну?

– А... место для будущего ледника выбираете: провизию хранить.

Захар Иванович только ухмыльнется на это в свою излюбленную комарами бороду: какой там ледник!.. А между тем каждый раз он опускается в глубокие шурфы и копается там в слоях замерзшей почвы и ила.

Шурфы рыли довольно часто, то мелкие, то очень глубокие. Последний, откуда сейчас шла партия, довели до восьми метров глубины. Прошли глубже горизонта оттаивания и рыли вечную мерзлоту. Рыть было очень трудно: глину, твердую как железо, приходилось оттаивать или просто

на воздухе, или раскладывая костры. Но в узком колодце глубокого шурфа смолистая лиственница сильно дымила и не хотела гореть. Мучение, а не работа! Еще счастье, если попадался чистый лед, – тогда кайла легко колола и вороток вытаскивал наверх полные бадейки желтоватого льда. Лошади с жадностью хрупали его зубами.

– Примесь соли, – говорил Александр Иванович.

Когда дошли до восьми метров, Александр Иванович как-то сразу потерял интерес к шурфу и дал распоряжение назавтра идти дальше. За время углубления шурфа стенки его постепенно подтаяли, а на месте слоев льда чернели глубоко вдающиеся в почву растаявшие «карманы». С опасностью быть раздавленным осевшей почвой Захар Иванович лазил в эти «карманы». Что значит опасность, когда здесь, в этом льду, он нашел остатки таких ископаемых... Да только ли остатки? А может быть они сохранились целиком? Какой был бы вклад в науку!..

Новый табор разбили на небольшой полянке: маленькая палатка для Иванычей, большая, даже не палатка, а просто перекинутый на два ската брезент – для действующих сил партии. Так называет Миша рабочих и самого себя, считая в глубине души, что всю работу партии делают он и рабочие. Но свое вольнодумство Миша крепко держит про себя.

У входа в палатки разведены дымокуры (лучше дым, чем комары), и люди, раздевшись, нежатся на брезенте.

Захар Иванович садится возле палатки на лиственничную чурку и, плача от едкого дыма, осторожно опорожняет свои карманы. Сумы еще не раскрыты и лупу достать нельзя. Ну, да все равно; сильная лупа есть и у Александра Ивановича.

– Саша, дай-ка мне лупу.

– Надолго не могу, – слышится голос из палатки, – самому скоро понадобится.

– Я сейчас...

Захар Иванович принимает лупу и достает из кармана жестянку. В ней ватка, а в ватке – оно самое и есть... Осто-

рожно, пинцетам вынимает Захар Иванович эту вещь и довольно долго рассматривает ее в лупу.

– Несомненно! – говорит он громко. – Никакого сомнения... Саша, ты знаешь?

– Н'знаю, н'знаю, – скороговоркой отвечает тот, погруженный в какие-то очень сложные занятия. – Мне некогда. Тут у меня... тоже...

Но Захару Ивановичу не терпится поделиться интересной новостью.

– Миша! Миша!.. Пойди-ка сюда...

– Что тут у вас, Захар Иванович?
– Ты посмотри-ка, – передает Захар Иванович Мише лупу. – Посмотри хорошенько!

Миша смотрит в лупу и молчит.

– Ну, видишь? – не выдерживает Захар Иванович.

– Да, вижу, Захар Иванович... вроде как... Слюду, что ли, вы нашли?

– Да какая же это, брат ты мой, слюда? – говорит растроганным голосом Захар Иванович. – Ты всмотришься лучше. Сетчатое строение! А разве у слюды бывает сетчатое строение?

– Так какая же это будет порода?

– Да не порода это, а... гм... крыло... очень крупного... ископаемого насекомого...

Захар Иванович искоса смотрит на Мишу – каково впечатление? Но Миша молчит.

– А что, Миша, если бы и ледяных пластах вечной мерзлоты... – голос Захара Ивановича падает до шепота, – сохранилось целое насекомое? И – в состоянии анабиоза... Ведь вот кусочки крыльев, смотри, как сохранились.

– Да что ж в крыльях особенного, Захарваныч? Да этих самых крыльев, если хотите, – Миша налету ловит слепня, – я надеру вам хоть сотню.

И он отходит в сторону, а непонятый Захар Иванович вздыхает.

– А знаешь, Саша, – апеллирует он вновь к Александру Ивановичу. – Я нашел в вывалах последнего шурфа... кусочек крыла ископаемого насекомого... А?

– Молодчина! – довольно холодно раздается из палатки.

В это время приносят переметную суму, в которой находятся вещи Иванычей. Захар Иванович быстро ее развязывает и, зная заранее где что лежит, вытаскивает из нее красный деревянный ящичек с микроскопом. Опять появляются на сцену пробирки, предметные стекла. На четверть часа Захар Иванович замирает над микроскопом, потом очень долго рассматривает в лупу наполненную водой пробирку. Наконец он вскакивает взволнованный и красный.

– Саша! Саша! Скорей!

– Что такое? – выглядывает тот из палатки. – Что случилось?

– Помнишь, я тебе говорил, что, кажется, в слоях вечной мерзлоты сохранилась жизнь. Ну и вот. Тогда еще я взял пробы, и теперь... в дистиллированной воде... понимаешь, в дистиллированной воде? Они развелись – эти низшие растения и животные! Смотри, – приподнимает он предметное стекло, – вот, несомненно, гифы живого гриба. Гриба, который пролежал в земле тысячи и тысячи лет! А вот... Это чрезвычайно интересно... В этом образце, по-видимому, были яйца рачки дафнии, и вот... Посмотри, дафнии... плавают!.. Это даже простым глазом видно в пробирке... Существа, жившие многие тысячи лет назад, теперь ожили. Подумать только!.. Все это время были в анабиотическом состоянии.

– Это очень интересно, Захар, очень! – говорит Александр Иванович. – Следует это описать. Не забудь взять образцы для демонстрации в столице.

Незаметно подошла ночь, тихая, теплая. Слабо тлеют костры, дым столбом поднимается вверх. Изредка переступают и пофыркивают кони или трещат угли костра. От багульника или от другой цветущей травы приносятся волны терпкого аромата. Духота и этот запах нагоняют на людей сон. Конюх еще раз осматривает лошадей, прикуривает крученку угольком от костра и ныряет под брезент. Табор спит...

А утром, выйдя из палатки, Миша наткнулся на мертвую Ричку. Собака лежала недалеко от костра. Белая шерстка ее на шее была вся в крови...

– Вона! – закричал Миша. – Ричку-то зверь, что ли, задрал? Ребята!..

Люди быстро выскочили из палатки. Мертвая собака уже успела заоченеть. На шее у нее виднелась странная рана: мясо и кожа расходились узенькими ремешками, будто кто-то несколько раз резанул по горлу острой бритвой. Больше никаких укусов и порезов на теле собаки не нашли.

Захар Иванович наклонился над мертвым животным.

– Странно... Клыками ведь делается рваная рана, а эта... Может собака ночью наскочила на кусок стекла?

– Ну, откуда же здесь стекло? – сказал Александр Иванович.

– Ричка-то ночью чего-то рычал и лаял, – заметил конюх.
– Да никого не было – я выходил, присматривал...

Собаку зарыли недалеко от табора, а ночью установили караул. Первым вызвался дежурить Миша. С централкой, заряженной пулей Жакана, он всю ночь ходил вокруг табора. А перед самым рассветом вдруг трахнул из централки.

– Похоже, будто большая птица. Однако далеко, плохо видел. Надо бы в нее дробью, а я жаканом. А и трудно, ребята, караулить. Смердит здесь чем-то из кустов, не скверно, а вроде как тошно делается. Цветами или уж не знаю чем, но понюхаешь – и спать охота. Ходишь – глаза слипаются. В полусне и в птицу-то... Кабы не спросонья – не ушла бы.

– Заклятое место! – пробасил старый приискатель Гладун. – Есть такие места в тайге, я знаю.

– Ну, уж это ты брось! – оборвал его Александр Иванович.

Ночные дежурства, однако, решили не прекращать. Следующей ночью разделились на две смены; в первую попал молодой рабочий Костя Краснов, во вторую – приискатель Гладун. Наутро Краснов сам признался, что проспал почти всю смену.

– Часов около одиннадцати как понесло из кустов, ну, глаза сами слиплись. Вы простите меня, Александр Иванович!

Инженер ничего не ответил, только хмуро взглянул на парня. Гладун же уверял, что видел в палатке змею.

– На костинной груди сидела. Хвостом так и петляет, так и петляет. А около головы у нее вроде как серебром поблескивает. И только я в палатку – сразу сгинула.

– На мне сидела? – побледнел Краснов.

– Глупости все, – сказал Александр Иванович. – Стыдись, товарищ Гладун!

Но после завтрака, осматривая лошадей, конюх заметил на Спиртоносе поток засохшей крови: шея лошади была в нескольких местах как бы изрезана бритвой, – опять такая же рана...

– Александр Иванович, как бы и лошадей не того... не зарезали бы! – доложил конюх начальнику партии.

Александр Иванович был немного смущен. Он конечно ни минуты не верил в зачатое место, но... Выбрав удобный момент, он отвел в сторонку Захара Ивановича.

– Захар, ты обратил внимание на раны у собаки и у Спиртоноса? Какое животное могло нанести подобные раны, а?.. Потом этот усыпляющий запах. Почему он появляется только ночью? Одним словом, что ты обо всем этом думаешь?

Захар Иванович ответил не сразу.

– Что я думаю? Я думаю, что нам с тобой, пожалуй, нужно самим подежурить.

Александр Иванович кивнул.

– И если тебе все равно, – уступи мне вторую половину ночи, – добавил биолог.

Захару Ивановичу, видимо, не спалось. Он оделся и вышел из палатки за час до полуночи. Полянка табора как туманом была закутана дымом. Александр Иванович сидел у костра и подбрасывал поленья.

– Что ты так рано? – встретил он биолога.

– Неужто рано? – удивился тот. – Ну, да все равно, уж я оделся. Можешь сдать мне смену. Все спокойно?

– Спокойно.

Инженер ушел, рабочие уже давно спали, и Захар Иванович остался один. У него были свои собственные соображения насчет таинственных нападений, но пока он воздерживался высказывать их вслух. Слишком необычным казалось все это.

Он закурил папиросу и стал ходить вокруг табора по тропинке, протоптанной инженером. Назойливо пели комары, и Захар Иванович, думая о своем, машинально махал пе-

ред лицом веткой лиственницы. Он уже два раза смотрел на часы – было всего четверть второго. Как медленно тянется время...

Вдруг из лесу потянуло чем-то сладко-приторным. Сразу захотелось спать.

«Надо взять себя в руки», — подумал биолог, выпрямляясь. Он вырвал из почки комок влажного мху и приложил его к лицу. Стало как-то легче, сонливость прошла.

– Неужели это действительно ее запах? – прошептал Захар Иванович.

Он набрал новую горсть влажного мху и дышал через него.

Сонная одурь прошла, но как только он отнимал мох от лица, мозги обволакивались сонной волной, а ноги подкашивались.

– Фу!.. да это и впрямь наркоз.

Подняв большой, испачканный в саже чайник, биолог стал пить из носка холодную воду. В вышине, попискивая, пронеслись какие-то птицы. Захар Иванович осмотрелся кругом: ночь стояла черная и непроглядная. Он почувствовал даже какую-то робость и, подойдя к костру, расшевелил головешки. Огонь вспыхнул ярче, но прогалины между деревьями стали еще чернее. Захар Иванович решил заглянуть в палатку к рабочим. И едва он сделал к ней несколько шагов, как на освещенной костром стороне брезента мелькнула какая-то длинная тень.

«Она!» – вздрогнул Захар Иванович.

Подкрадываясь к палатке, он взвел курки. Кругом – ни звука. Лишь в кармане, на груди, живым пунктиром тикали карманные часы.

Стоя на коленях, Захар Иванович чувствовал, как сквозь материю просачивается вода. Он осторожно поднялся с колен и заглянул в палатку.

То, что он там увидел, заставило его на мгновение оцепенеть... На груди у Гладуна шевелилась черная змея. Толщиной в запястье руки туловище ее, казалось, дышало. Большая, не по-змеиному широкая голова ее была нахло-

нена над шеей приискателя, громадные глаза сверкали зеленым, металлическим блеском...

Невольно вскрикнув, Захар Иванович кинулся в палатку, но сразу же упал, зацепившись за чью-то ногу. Падая, он успел, однако, заметить, как змея метнулась по земле наружу.

– Меганейра! – заорал Захар Иванович не своим голосом. – Ископаемая стрекоза!..

– Да стреляй же, Захар, бей! – кричал Александр Иванович, выскакивая из своей палатки и на бегу выпуская вверх всю обойму из браунинга. Там неслась огромная стрекоза. Ее крылья, почти метр в размахе, со свистом рассекали воздух. Длинное, толстое туловище ее изгибалось наподобие змеи.

К полминуты весь табор был на ногах. Но стрекоза уже исчезла...

– Ведь она была на груди у Гладуна! – опомнился, наконец, Захар Иванович, все еще сидя на земле, у входа в палатку. – Как бы чего не вышло...

– Ничего, Захар Иванович. Не успела тварь проклятая!
– послышался бас приискателя. — Только бороду и горло немного побрила, стерва!

Действительно, борода Гладуна была коротко и ровно обреза́на, как ножницами, а на горле краснели полосы перерезанной кожи.

– Режет, как бритвой, – продолжал Гладун. – Однако я спал и ничего не слышал.

– Стрекоза усыпила тебя, товарищ Гладун. Она сначала этим своим запахом сон на тебя нагнала, а потом уже кусать начала, – сказал биолог, несколько успокоившись.

– Неужели она, Захар, действует так обдуманно? – недоверчиво спросил Александр Иванович.

– Ну, нет... Ей просто свойственен этот запах, как и многим теперешним насекомым. Но, конечно, сила запаха ее больше, в соответствии с размерами. Он помогает ей захватывать добычу.

– А ты действительно думаешь, Захар, что это была живая... ископаемая стрекоза Меганейра?

– Все данные за это. На последнем шурфе я нашел в сланце несколько крупных отпечатков крыльев и головы этой крупной стрекозы. Наконец в слое чистого льда мне посчастливилось найти даже кусок ее крыла. Я его еще показывал Мише.

– Ага, Захар Иванович, я видел... вроде слюды.

– Ну, да! Ты принял это за слюду. У меня тогда еще мелькнула мысль – не может ли во льду сохраниться целое насекомое. И вот...

– Мне все-таки как-то не верится, – сказал Александр Иванович, – чтобы это была живая ископаемая стрекоза. Может быть, это одна из теперешних стрекоз, но почему-то достигшая таких громадных размеров. Как могла сохраниться Меганейра до нашего времени? Кто этому поверит?

– Как сохраниться? Я тебе уже, Саша, объяснял: во льду... в состоянии анабиоза... Поверят ли, ты спрашиваешь? А вот этим живым грибкам и дафниям, которые у меня там (Захар Иванович указал на свою наладку), – поверят? Они ожили после многих тысячелетий скрытой жизни. И не толь-

ко ожили, но размножаются и растут. Вероятно в том слое мерзлоты, откуда я достал рачков и водоросли, имелись идеальные условия для длительного состояния анабиоза.

– Оботри лицо-то, Захар, – перебил биолога Александр Иванович. – Все в комарах!

Захар Иванович машинально обтер лицо: он не чувствовал комариных укусов.

Иванычи уселись около костра на потниках. Повар принес им две кружки чаю и сухарей.

– Ну, что ж! Пусть будет Меганейра, – задумчиво произнес Александр Иванович, размачивая в чаю сухарь. – Так и запишем.

– Одно только у меня в голове не укладывается, – сказал Захар Иванович, взглянув на Спиртоноса. – Ротовые органы у стрекозы жующие, а эта, похоже, как будто сосала кровь.

– Так она и пробовала жевать, – помирил Александр Иванович биолога с его наукой. – Видел ведь, как она изрезала челюстями, да шкура-то у добычи крепкая попалась. А кровь – это приводящее обстоятельство, случайность.

Захар Иванович с сожалением посмотрел вверх, в утреннее небо: конечно, ожившие дафнии, водоросли и грибы, – все это очень хорошо. Но вот если бы привезти такую... О!..

Захар Иванович вскочил с места.

– Саша!.. Поищем? А?

– Я не прочь.

– Ну, тогда... а вперед, а вы меня нагоняйте!

– Да ты хоть ружье-то возьми, Захар! – крикнул ему вслед Александр Иванович.

– Разрешите, Лексанваныч; я его мигом догоню и ружье передам.

И Миша бросился вдогонку за Захаром Ивановичем.

Минут через десять уже вся партия быстро двигалась в том же направлении. На таборе остался только конюх.

Люди шли торопливо, часто спотыкаясь о кочки, озирались кругом и, прикрываясь ладонью, шурились в небо. Но все было тихо.

Прошло часа два.

– И Захар Иванович пропал, – высказал общую мысль Костя Краснов. – Не заплутал бы.

Теперь тайга постепенно поднималась в гору. Мох стал сухим и упругим, серый лиственный лес зажелтел стволами сосен. На вершине склона, сквозь зелень опушки, просвечивало голубое небо: гора кончалась обрывом.

Александр Иванович поднял руку, – все остановились и прислушались: к слабому шелесту деревьев примешивался глухой рокот воды.

Вдруг раздался слабый крик и громыхнул выстрел. Все бросились к опушке. Сразу раскрылась ширь речной долины, а внизу, под крутым обрывом, пенился и ревел водопад. На прибрежной отмели суетился Миша, в руках у него было ружье. Поперек реки, прыгая с камня на камень и по временам окунаясь в туман водяных брызг, двигался Захар Иванович – туда, где на светлом камне резко выделялся неподвижный силуэт Меганейры.

– Назад! Назад! – закричал Александр Иванович, торопливо спускаясь с обрыва. – Утонешь!

Но Захар Иванович не слышал крика; раза два он сорвался и нырнул в пенистую зелень воды, но потом вновь выбрался на камни.

Застывшая, как изваяние, Меганейра вдруг блеснула крыльями и взвилась в воздух. Миша приложился и ударил из централки. Стрекоза, вильнув в воздухе, камнем упала вниз и сразу пропала в пене водопада. Взмахнув руками, Захар Иванович бросился за ней в воду.

Срываясь и падая, люди сбежали с обрыва и, не задумываясь, кинулись в реку: все хорошо знали, что Захар Иванович не умел плавать.

Наконец повыше водопада из воды показалась голова Гладуна.

– О-хо-хо! – крикнул он. – Держу!

К нему подплыл Александр Иванович, и они вдвоем вытащили на берег тело биолога.

– Жив?

Александр Иванович послушал сердце и кивнул головой.

– Наглотался...

– Храбер! – усмехнулся Гладун. – Не смотри, что щуплый.

С Захара Ивановича сняли мокрую одежду, развели костер. Вскоре биолог вздохнул и открыл глаза.

– Достали Меганейру? – был его первый вопрос.

– Где же там достать, Захарваныч: всю ее размолото между камнями, – ответил Миша. – Ладно еще – вас спасли.

– Как можно, Захар, так рисковать жизнью?

– Можно, Саша, – пролепетал слабым голосом биолог. – Можно... для науки... Какой бы экспонат... у нас... Эх!..

Уордон А. Куртис

ЧУДОВИЩЕ ОЗЕРА ЛАМЕТРИ

Рассказ Джеймса Мак-Леннегана, д.м., д.ф.

Иллюстрации Ф. Вуда

*Озеро Ламетри, Вайоминг
1 апреля 1899 года*

*Профессору Вильгельму Д. Брейфогелю,
Тайховерский университет*

Дорогой друг,

Прилагаю отрывки из дневника, который я вел всю свою жизнь. Я упорядочил их с целью поведать вам историю некоторых замечательных событий, которые произошли здесь за последние три года.

Много лет назад я слышал туманные рассказы о странном озере в почти непроходимом горном районе Вайоминга. О нем ходили самые невероятные выдумки; говорили, например, что озеро населено созданиями, которые во всех других местах земного шара встречаются лишь как ископаемые останки давно прошедших эпох.

Озеро и окружающая местность имеют вулканическое происхождение. Одно из самых странных свойств озера заключается в том, что в нем периодически случается волнение, в самом центре закипают громадные пузыри, и можно подумать, что на дне озера забил из почвы громадный артезианский колодец. Воды озера вздымаются и переполняют свое ложе из черных скал; отхлынув, волны оставляют на берегу моллюсков, стволы неведомых деревьев и

листья не менее любопытных папоротников: такие больше нигде не растут – на земле, по крайней мере – и встречаются только в виде отпечатков в угольных отложениях и на каменных плитах. Забросив в темные воды лесу, можно вытаскивать ганоидных рыб, покрытых костяными пластинами.

Все это довольно давно изложил в своих записках отец Ламетри. В них он также утверждает, что Земля внутри полая, что эта полость населена многими видами растений и животных, тысячелетия назад исчезнувшими с поверхности, и что из озера есть проход в эту внутреннюю область. Вам хорошо известна теория полярных отверстий Саймса. Существует множество доказательств. Теперь я знаю, что теория эта верна. Сквозь гигантские отверстия на полюсах солнце посылает в недра Земли свет и тепло.

Ровно три года назад я прошел через местные горы к озеру Ламетри. Со мной был только один спутник, наш молодой друг Эдвард Фрамингем. Он отправился со мной не столько из научного энтузиазма, сколько в слабой надежде поправить свое здоровье путешествием в горах – он страдал острой формой диспепсии, которая иногда доводила его просто до безумия.

Под нависающим карнизом скальной стены у озера мы нашли примитивную хижину, кое-как сложенную из камней; когда-то в ней жили древние обитатели этих скал. Хотя ветер продувал ее насквозь, мы решили, что хижина защитит нас от редких в этой местности дождей и то недолгое время, что мы собирались провести за исследованиями озера, послужит нам крышей над головой.

Далее следуют отрывки из моего дневника.

29 апреля 1896 г.

Последние несколько дней я занят сбором образцов различных растений, которые выбрасывают на берег волны этого примечательного озера. Фрамингем не занят ничем, кроме рыбной ловли, и уверяет, что нашел место, где озеро связывается с внутренней полостью земли – если это в самом

деле так, в чем сомневаться почти не приходится. Фрамингем рыбачил посреди озера и опустил в воду три связанные вместе лесы для ловли щуки, общей длиной около трехсот футов, но не достиг дна. Тогда он вернулся на берег, взял все наши лесы, бечевки, ремни и веревки, связал их и получил канат в пятьсот футов, однако снова потерпел неудачу.

2 мая, вечером

Минувшие три дня были с пользой проведены за сбором образцов, которые я для сохранности высушиваю или заспиртовываю. Утром у Фрамингема был сильный приступ диспепсии и он все еще слаб. Перемена климата ненадолго заставила его болезнь отступить, но истощила его быстрее, чем можно было предполагать, и теперь он лежит на своей подстилке из сухих водорослей и жалобно стонет. Как только он сможет ходить, я помогу ему вернуться в цивилизованный мир.

Я крайне раздосадован необходимостью бросить исследования в самом начале, ведь я едва начал познавать тайны озера. Жаль, что Фрамингем решил ехать со мной. Озеро волнуется и шумит, и это весьма необычно, ведь до сих пор оно оставалось спокойным, и я не чувствую и не слышу никаких порывов ветра, может быть, по той причине, что ветер дует с юга и нас защищает от его порывов скала. Но в таком случае на этом берегу не должно быть волн. Рев бури усиливается. Фрамингем...

3 мая, утром

Мы пережили ужасную ночь. Прошлым вечером, заканчивая запись в дневнике, я внезапно услышал шипение, бросил взгляд вниз и увидел на земляном полу что-то извивающееся. Сперва я подумал, что в хижину заползла змея, но быстро понял, что то был ручеек воды — попадая в очаг, вода издавала шипящий звук. Миг спустя в хижину хлынули целые потоки, и не успел я двинуться с места, как весь

пол был залит водой; вода стояла уже на высоте двух дюймов двух и все прибывала.

Теперь я понял, отчего так ревело озеро. Разбудив Фраммингема, я потащил его к двери. Цепляясь за трещины в каменной стене хижины, мы забрались на крышу. Больше нам ничего не оставалось, так как позади и над нами возвышалась неприступная скала, а справа и слева склоны резко обрывались вниз; мы никак не смогли бы спуститься по ним и достичь возвышенности у входа в котловину.

Через некоторое время мы зажгли спички – несмотря на все смятение вокруг, воздух был почти недвижим – и увидели, что хижина наполовину исчезла в воде. Волны неслись на запад с силой и скоростью течения могучей реки; стволы деревьев, кружившиеся в потоке, с жутким грохотом бились о стены, грозя их обрушить. Примерно час спустя рев начал стихать и наконец наступила полная тишина. Зеркало воды в футах от наших ног застыло, не поднимаясь и не опускаясь.

Затем послышался тихий шепот, превратившийся в хриплое дыхание, после шелест, как бывает при ветре, и все более громкий рев. Озеро снова заволновалось, но на сей раз вода с кружащейся ношей древесных стволов двинулась на восток, уровень ее все время падал, а в центре озера лунные лучи высвечивали темные стены огромного водоворота и скользили по их сверкающей черноте вниз, вниз, все глубже в воронку, в ужасные глубины которой мы могли заглянуть с высоты.

Этим утром уровень воды в озере вернулся к привычной отметке. Наши мулы утонули, лодка уничтожена, припасы частью подмочены, мои образцы и инструменты пострадали, а Фраммингем сильно болен. Нам придется скоро покинуть окрестности озера, хотя все во мне противится этому: ночная буря, так похожая на явление, описанное отцом Ламетри, несомненно вынесла из глубин Земли любопытные и странные образчики неведомой жизни. И в самом деле, посреди озера, где вчера бушевал водоворот, я вижу большое скопление плавника – стволы и ветки, скорее всего, но кто знает, что еще?

В бинокль я могу разглядеть древесный ствол или, точнее, пень огромных размеров. Насколько можно судить, все дерево не уступало в высоту некоторым калифорнийским гигантам. В широкой части обломок достигает около десяти футов в ширину и тридцати футов в длину. От него отходит лежащая на воде ветка или корень длиной футов в пятнадцать и толщиной, мне кажется, фута в два-три. Перед тем, как мы тронемся в обратный путь, а это произойдет, как только Фрамингем достаточно окрепнет, я собираюсь построить плот и осмотреть это скопление плавника; но может, ветер по счастливой случайности прибьет его к берегу.

4 мая, вечером

День поразительных и чудесных происшествий. Утром, проснувшись, я взялся за бинокль и увидел, что темная масса плавника все еще находится посреди озера, застыв без движения на гладкой как стекло поверхности. Однако большой черный пень исчез. Я был уверен, что его не скрывают от меня другие стволы, поскольку вчера он плавал на некотором расстоянии от них и ни ветра, ни волн не было, так что местоположение его не могло измениться. Поэтому я решил, что дерево было слишком тяжелым и пошло ко дну, стоило ему чуть пропитаться водой.

Около десяти Фрамингем уснул, и я направился на берег, захватив с собой жестянку для ботанических образцов и южноамериканский мачете; я обзавелся им три года назад в Бразилии, где убедился в полезности этого похожего на саблю тесака. Берег был усеян фрагментами неизвестных растений и раковин; но стоило мне наклониться за одним образцом, как я ощутил, что меня схватили за одежду, услышал лязг зубов, обернулся и увидел... нет, прежде я должен сказать, что я сделал — поскольку я, еще не разглядев толком ужасное существо, взмахнул мачете и отрубил ему верхнюю часть головы, а после рухнул на мелководье, едва не потеряв сознание.

Передо мной было черное полено, которое я видел посреди озера, чудовищный эласмозавр. Высоко надо мною на груде камней лежала его голова с длинными челюстями и тесно посаженными острыми зубами, напоминавшими изогнутые кинжалы; я видел глаза чудовища, громадные,

как тарелки. Я был поражен тем, что чудовище лежит неподвижно, так как ожидал, что оно станет биться в конвульсиях, однако тело существа, скрытое от меня камнями, не шевелилось и я не слышал ни звука. Видимо, мой внезапный удар оглушил его и вызвал кому; опасаясь, что животное может снова вернуть себе власть над мускулами и в предсмертной агонии скатиться в озеро, на глубину, откуда я не смогу его достать, я поспешно и аккуратно, хотя и не без некоторого трепета, целиком извлек мозг. Вернув на место черепную крышку, отрубленную мачете, я принялся осматривать свой трофей.

Длина тела составляла ровно двадцать восемь футов. В самой широкой части толщина его составляла восемь футов, а в других шесть футов от спины до живота. Тело существа дополняли четыре громадных плавника – рудиментарные конечности – и чрезвычайно длинная, гибкая шея, похожая на шею лебедя. Голова по сравнению с телом была очень мала и округла; вперед, совсем как гусиный клюв, выдавалась пара длинных челюстей. Все тело было покрыто глянцеви́то-черной кожистой оболочкой, а огромные ореховые глаза хранили в своих влажных глубинах мягкое, меланхолическое выражение. Да, это был эласмозавр – одно из крупнейших допотопных животных. Не могу сказать, относился ли он к тем же видам, кости которых раньше обнаруживались при раскопках.

Закончив осмотр животного, я поспешил к Фрамингему: я был уверен, что вид заблудившегося существа из давно минувших времен поднимет на ноги самого тяжелого больного. Он немного отошел от утреннего приступа и с любопытством отправился со мной на берег. Вновь осмотрев животное, я к своему удивлению обнаружил, что его сердце все еще бьется и функции организма не затронуты; со времени смертельного удара прошло уже около часа, но я знал, что сердца акул продолжают сокращаться спустя много часов по извлечении из тела, а лягушки с отрезанными головами могут неделями жить и сохранять способность к передвижению.

Я снял черепную крышку, собираясь осмотреть череп; здесь меня ждала еще одна неожиданность – на краях раны образовалась корочка, организм залечивал повреждение. Окраска внутренней поверхности черепа казалась совершенно естественной и здоровой, и я не заметил никаких признаков кровотечения; словом, все говорило о том, что животное намерено поправиться и жить дальше без мозга. Осматривая череп, я был поражен его сходством с черепом человека; внутренняя часть черепа, насколько я мог судить, соответствовала по объему и форме мозговому отделу человека, который носит головной убор размера семь и восемь. Объем самого мозга, как выяснилось при осмотре, не превышал объем среднего человеческого мозга, причем мозг животного очень напоминал последний очертаниями, но отличался существенно менее развитой тканью и меньшим числом извилин.

5 мая, утром

Фрамингем очень болен и говорит о смерти; он сказал, что если смерть не положит конец его страданиям, он закончит с собой. Не знаю, что делать. Все попытки приободрить его тщетны, а немногие оставшиеся у нас лекарства ничем не могут ему помочь.

5 мая, вечером

Я только что похоронил тело Фрамингема в песке на берегу озера. Я обошелся без похоронных церемоний – настоящий Фрамингем, быть может, все еще жив, хотя это предположение может показаться совершенно диким. Завтра, если только мой эксперимент не увенчается успехом, я воздвигну на могильной насыпи пирамиду из камней; глупо, конечно, надеяться на успех.

Сегодня утром, часов в десять, приступы тошноты у Фрамингема прекратились, и мы вместе пошли посмотреть на эласмозавра. Существо лежало там же, где мы его оставили; положение тела не изменилось, животное дышало, все

функции организма восстановились. За ночь рана на голове затянулась и, по моим оценкам, должна была полностью излечиться через неделю или около того – с такой скоростью организм рептилии восстанавливал себя. Набрав дватри бушеля мидий, я извлек моллюсков из раковин и протолкнул пищу в горло эласмозавра. Животное конвульсивно глотнуло и медленно закрыло огромную пасть.

– Как долго вы собираетесь сохранять рептилию живой? – спросил Фрамингем.

– До тех пор, пока не сообщу о ней некоторым коллегам и они ее не осмотрят. Я оставляю вас в ближайшем селении и оттуда же отправлю письма. Затем я вернусь и буду регулярно кормить эласмозавра, пока не приедут мои друзья и мы не решим, что с ним делать. Вероятно, мы изготовим из животного чучело.

– Но убить его будет нелегко: придется разрубить его на куски, а это вы сделать не сможете. Как же я хотел бы обладать жизненной силой этого зверя! Витальность чудовища настолько невероятна, что оно даже не замечает утраты мозга. Я был бы счастлив, если бы у меня отняли тело. Почему мне не дано хоть немного бесполезной силы этого создания?

– В вашем случае, чересчур деятельный мозг навредил телу, – заметил я. – Вы слишком много упражняли мозг и слишком мало – тело: вот и причина ваших несчастий. Было бы неплохо, если бы вы обладали невиданным здоровьем эласмозавра; но как было бы чудесно, если бы эта могучая живая машина обладала вашим разумом.

Я повернулся к эласмозавру, чтобы осмотреть рану – я захватил с собой хирургические инструменты и собирался ее обработать. Мое занятие прервали громкие стоны Фрамингема. Обернувшись, я увидел, что он в мучениях катается по песку. Я бросился к нему – но не успел я оказаться рядом, как он схватил мою сумку с инструментами, вытащил самый большой и острый нож и перерезал себе горло от уха до уха.

– Фрамингем, Фрамингем! – закричал я. Как ни удивительно, он посмотрел на меня разумным взглядом. Мне

вспомнился случай с французским врачом, который в течение нескольких минут после того, как его голова скатилась с помоста гильотины, отвечал на вопросы друзей, подмигивая глазами.

– Если слышите меня, мигните, – вскричал я. Веко правого глаза опустилось и резко поднялось. Итак, тело умерло, но мозг еще жил. Я бросил взгляд на эласмозавра. Его полуоткрытая пасть с блестящими зубами, казалось, поощрительно улыбалась. Разум человека и сила животного. Живое тело и живой мозг. В моем сознании, как вспышка, промелькнула мысль о сходстве мозгового отдела рептилии и человека.

– Фрамингем, вы еще живы?

Правый глаз мигнул. Я схватил мачете – времени на тонкие инструменты не оставалось. Торопливая и грубая операция была опасна, но малейшее промедление вовсе не оставляло никаких шансов на успех. Я вскрыл череп и обнажил мозг. Мне удалось извлечь его без повреждений; подняв черепную крышку эласмозавра, я поместил мозг внутрь. Затем я обработал рану, поспешил в дом, принес весь свой запас стимулирующих средств и высыпал лекарства в пасть животного.

Медицинское сообщество уже много лет предсказывает, что пересадку мозга когда-нибудь удастся осуществить. Почему же это до сих пор никому не удавалось? Потому, что никто и не пытался. Вполне очевидно, что нельзя использовать для пересадки мозг, взятый из мертвого тела – а какой живой человек согласится на ужасную операцию, в ходе которой ему вскроют голову и извлекут мозг на пользу других?

При мозговых поражениях человеческий мозг нередко осматривают и даже отсекают некоторые участки; но еще никогда для замены их не использовались те же участки мозга других людей. Не нашелся еще ни один пострадавший, который согласился бы пожертвовать другому часть своего мозга. Пока приговоренных к смерти преступников не станут передавать науке в целях экспериментов, мы

так и не узнаем, возможна ли пересадка мозга. Но общественное мнение никогда этого не позволит.

Природные условия способствуют объективной и всесторонней оценке моего эксперимента. Погода стоит прохладная и ровная, и ране на голове эласмозавра ничто не помешает зажить. В отношении витальности это существо превосходит любое из современных животных, и если какой-либо организм способен стать вместилищем чужого мозга, питать его и лелеять, то это, безусловно, эласмозавр, обладающий неизмеримой жизненной силой. Быть может, здесь, у озера, начнется новая эра в истории мира.

6 мая, полдень

Думаю, эксперимент прекращать еще рано.

7 мая, полдень

Нет, это не игра воображения! Я уверен, что сегодня утром, заглянув в глаза эласмозавра, увидел в них осмысленное выражение. Оно еще смутное, это правда, и словно скрыто туманной пеленой, застилающей глаза, как отражение пробегающих по небу облаков.

8 мая, полдень

Я могу с большей уверенностью, чем вчера, говорить об осмысленном выражении глаз: в них читается тревога и страх, как у спящих с открытыми глазами, которым снятся кошмары.

11 мая, вечером

Я хворал и три дня не видел эласмозавра; полагаю, я смогу лучше оценить ход эксперимента, если на какое-то время оставлю его в покое.

12 мая, полдень

Я с благоговейным трепетом думаю о том, как успешно продвигается мой эксперимент. Сегодня утром, приблизившись к эласмозавру, я заметил небольшое волнение в воде у его плавников. Я внимательно взгляделся в воду, ожидая увидеть рыб, лакомящихся плавниками беспомощного чудовища – и понял, что плеск этот был вызван не рыбами, а самими плавниками, которые слегка шевелились.

– Фрамингем, Фрамингем! – закричал я во весь голос. Огромное тело чуть пошевелилось, совсем немного, но достаточно заметно. Возможно, мозг или, точнее сказать, Фрамингем еще не пришел в себя или не сумел подчинить себе тело. Очевидно, это так: связь с телом еще не установлена, и это уже само по себе сводится к сну, к бессознательному состоянию. Человек, от рождения лишенный каких-либо чувств, не сможет осознать себя; так и Фрамингем, только начиная ощущать свое новое тело, с трудом осознает себя и большую часть времени спит. Я дал ему или эласмозавру – что правильной, выяснится через несколько дней – обычную порцию пищи.

17 мая, вечер

Последние три дня я снова хворал и до сегодняшнего утра не выходил из хижины. Эласмозавр лежал без движения в бухточке среди скал. Умер, подумал я – и тут же заметил, что его бока раздуваются от дыхания. Я начал собирать мидии и услышал негромкий вздох. Я обернулся и в ужасе замер – точно в ответ на какие-то нерешительные заклинания передо мной неожиданно предстало втайне желанное, но пугающее наяву видение демона. Я визжал, я вопил, мои крики отдавались многократным эхо в амфитеатре скал, и все это время голова эласмозавра вздымалась на длинной шее. Она покачивалась, пасть безмолвно открывалась и кривилась, будто в попытке что-то произнести, а глаза животного смотрели на меня то с диким страхом, то с жалобной мольбой.

– Фрамингем! – позвал я.

Пасть чудовища мгновенно захлопнулась; оно внимательно и доверчиво, как собака, посмотрело на меня.

– Вы меня понимаете?

Пасть снова задвигалась, выпуская тихие вздохи и стоны.

– Если вы меня понимаете, положите голову на скалу.

Голова опустилась. Он понял. Мой эксперимент увенчался успехом! Я молча сидел на камне, размышляя о чудесном превращении и пытаюсь убедить себя, что я не сплю и не сошел с ума. Затем я взял себя в руки и начал спокойно рассказывать своему другу обо всем, что произошло со времени его попытки самоубийства.

– Сейчас вы в некотором смысле частично парализованы, как мне кажется, – закончил я. – Ваш мозг еще не научился управлять новым телом. Я вижу, что вы можете двигать головой и шеей, хотя и с трудом. Попробуйте изменить положение тела. Вы не в состоянии, как я и думал. Не беспокойтесь, все придет со временем. Сумеете ли вы говорить или нет, я не знаю, но думаю, что сможете. Если нет, мы придумаем какой-нибудь способ общения. Как бы то ни было, вы освободились от человеческого тела и обрели мощный и жизнеспособный механизм, прежнему владельцу которого вы так завидовали. Вам нужно полностью прийти в себя; далее мне хотелось бы, чтобы вы нашли проход из озера в подземный мир и исследовали его. Подумайте, какой вклад вы можете внести в сокровищницу геологических знаний. Я составлю отчет о ваших открытиях, и имена Фрамингема и Мак-Леннегана войдут в пантеон величайших геологов.

Я с воодушевлением взмахнул руками, и огромные глаза моего друга зажглись ответным огнем.

2 июня, ночью

От былой беспомощности не осталось и следа: Фрамингем овладел речью, как и своей телесной оболочкой, но процесс этот был таким длительным и постепенным, что я не вел каждодневных записей. Теперь он управляет громад-

разговаривает и может петь. Сейчас он поет. С наступлением ночи поднялся северный ветер, и в темноте я слышу могучие органные переливы его громоподобного и великолепного голоса; он поет торжественный грегорианский гимн, и четкие латинские слова смешиваются в странной гармонии с завываниями ветра.

Сегодня он пытался найти проход из озера во внутреннюю полость Земли, однако гигантский колодец в центре озера оказался забит камнями и ему ничего не удалось обнаружить. Его мучает страх, что я оставлю его и он погибнет от одиночества. Но я его не покину. Мне слишком больно думать, каким одиноким он тогда останется; кроме того, мне хотелось бы остаться здесь – еще одно таинственное содрогание может снова открыть путь из озера во внутренний мир Земли.

Фрамингема преследует мысль о том, что другие люди могут узнать о его существовании, поймать его и выставить в цирке или музее; он заявил, что будет сражаться за свою свободу вплоть до убийства тех, кто явится за ним. Будучи диким животным, он станет собственностью любого удачливого ловца, хотя я, вероятно, смогу на него претендовать, ссылаясь на то, что именно я его приручил.

6 июля.

Один из страхов Фрамингема воплотился в жизнь. Я стоял на тропинке, ведущей в котловину, глядя на низкие тяжелые облака, как вдруг из-за поворота вслед за носильщиком показался маленький человечек, без сомнения ученый; я не успел хорошенько его разглядеть – когда он стал рассматривать долину, внизу с шумом и мощью паровой калиопы раздался гулкий голос Фрамингема, который распевал греческую песнь Анакреона на мотив «Где ты взял эту шляпу?»; миг спустя и сам певец показался в бухточке – черная колонна шеи величественно вздымалась вверх, в раскрытой пасти сверкали зубы.

Бедный маленький ученый! Он застыл на месте, уронив сачок для ловли бабочек, а когда Фрамингем сделал кур-

бет, выпрыгнул из воды, упал обратно с таким плеском, что вся бухта заходила ходуном и хрипло загоготал, заставив скалы отозваться хохотом дюжины злобных демонов — он повернулся и со всех ног бросился бежать из ущелья.

Далее я пропускаю записи почти за год. Они не имеют особой важности.

30 июня 1897 года

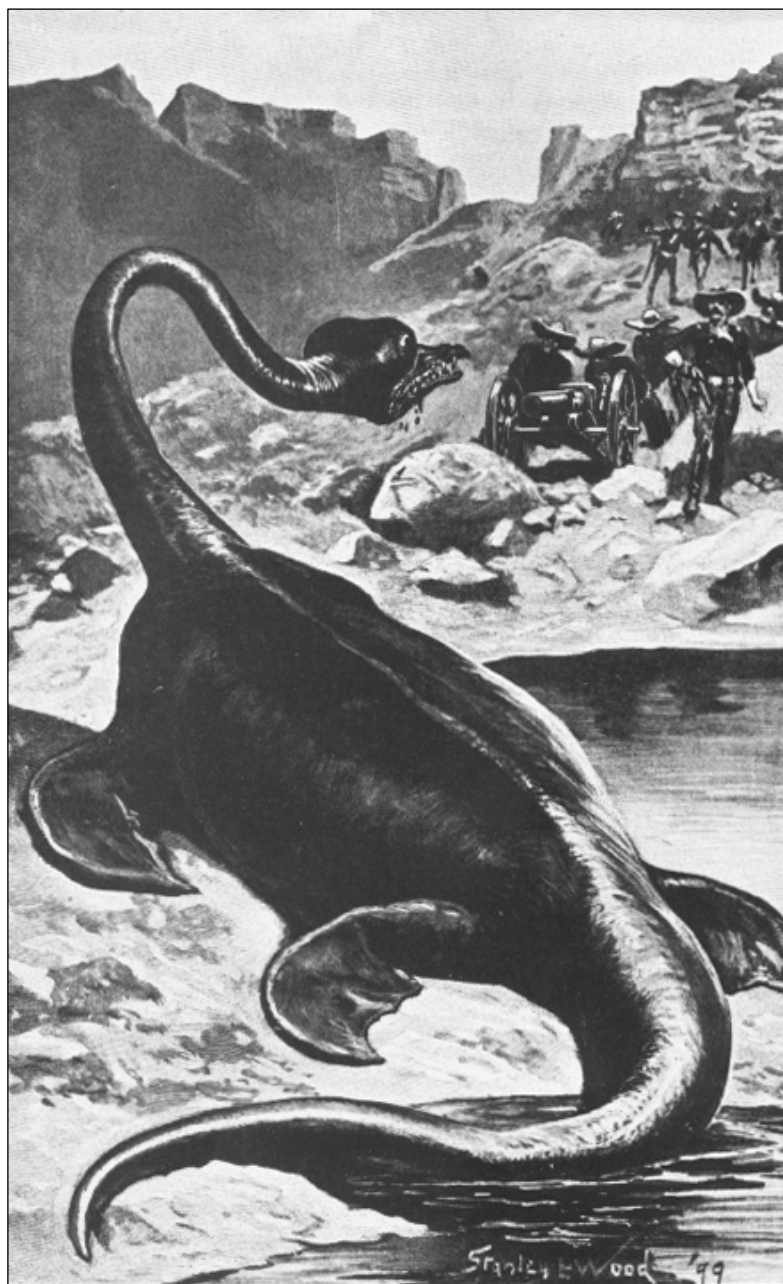
Сомнений нет, мой друг переменялся. Я заметил эти перемены некоторое время назад, но отказывался верить в них и приписывал их своему воображению. Грядет катастрофа, поглощение человеческого интеллекта грубым телом животного. Имеются прецеденты, подсказывающие, что такое возможно. Тело оказывает большее влияние на разум, нежели разум на тело. Болезненного, хрупкого Фрамингема, человека утонченного ума, больше нет. Вместо него бесчинствует чудовище, чьи развязные и банальные высказывания свидетельствуют о растущей умственной отсталости.

Его более не интересуют мои научные исследования – он говорит, что все это сушая дичь. Беседа с ним больше не может доставить никакого удовольствия образованному человеку: это вульгарные и путанные реплики о тривиальных событиях нашей жизни, отнюдь не отличающейся разнообразием. Чем это все закончится? Полным растворением человеческого разума в теле чудовища? Последней победой материи над духом, деградацией самого приземленного свойства, угасанием божественной искры? Если так, Эдвард Фрамингем действительно умрет; над могилой, где покоится его человеческое тело, я воздвигну подобающее надгробие, и мое бдение в этой долине подойдет к концу.

*Форт Д. А. Рассел, Вайоминг
15 апреля 1899 года*

Профессору Вильгельму Д. Брейфогелю

Уважаемый сэр,
данная рукопись, сохранившаяся в неприкосновенности, а также приложенные к ней фрагменты, попали в мои руки при обстоятельствах, которые я собираюсь изложить ни-

же; направляю их вам согласно желанию покойного автора. Две недели назад мне было приказано выступить в горы на поиски группы индейцев, покинувших свою резервацию; под моим командованием находилась рота пехотинцев и два взвода кавалеристов с горными гаубицами. На седьмой день преследования, когда мы очутились в дикой и неизведанной горной местности, нас поразило крайне необычное мычание и рев, раздавшиеся где-то впереди; эти звуки прерывались отчаянными, предсмертными воплями неизвестного человека. Мы спешно вззошли на возвышенность, которая располагалась перед нами, и увидели озеро, а на берегу его колоссальное, неопишемое существо, раздиравшее зубами человеческое тело.

Завидев нас, чудовище раскрыло пасть и расхохоталось – говорю это в самом буквальном смысле слова. Некоторые солдаты из моего отряда закричали, что это сам дьявол, и бросились было наутек. Но я призвал их к порядку и мы, охваченные справедливым гневом при виде ужасной сцены, спустились на берег, где я приказал навести гаубицы на кровожадную тварь. Все это время существо издавало звуки, отчетливо напоминавшие человеческую речь. Они походили на бессмысленную болтовню слабоумного или речь пьяницы, который пытается произнести что-то членораздельное. Я отдал приказ стрелять. Еще один залп – и животное в агонии метнулось в озеро и утонуло.

Рядом с останками д-ра Мак-Леннегана я нашел в целости и сохранности указанную рукопись, а также разорванные страницы дневника, на основе которого она была составлена, и некоторые бумаги научного характера. Все это я отправляю вам. Мне кажется, следует предпринять попытку найти останки эласмозавра. Он станет бесценным экспонатом любого музея.

Артур А. Фэйрчайлд
Капитан армии США

Александр М. Филлипс

КОНЕЦ ЛУННОГО МИРА

I.

Однообразная зеленеющая равнина. Там и сям разбросаны неподвижные водные бассейны, отражающие заходящее солнце. К северу, на горизонте высятся крутые скалы. За ними тонет в сером тумане бесконечная даль. Вершины скал покрыты роскошной тропической растительностью, представляющей резкий контраст с пейзажем равнины. Деревья причудливой формы, ярко окрашенные листья и цветы – все обито туманно-желтыми солнечными лучами.

Такую картину представляла собой большая часть Северо-Американского континента пять миллионов лет назад, когда жизнь Земли приближалась к эпохе преобладания млекопитающих. В этот период американский материк в большей своей части был заполнен громадными водными пространствами. Постепенно иссякая, бассейны эти оставили после себя большие безлесные долины, лишь местами прорезанные девственными рощами. Вместе с покрывшими материк водами появились гигантские амфибии. С поднятием материков и исчезновением водных пространств, они уступили место наземным животным, которые и завладели земным миром, подчиняясь великому закону эволюции.

Перед наступлением ледниковой эпохи много миллионов лет длился спокойный период жизни Земли. Климат был мягок и тепел. В этой обстановке жил и боролся за существование динозавр и сошел с лица Земли, уступив место млекопитающим. Ушел он со славой: его порода была могущественнейшей из всех родов пресмыкающихся. Это бы-

ли сильнейшие из хищников, когда-либо живших на Земле. Самый могучий и самый страшный из них был тиранозавр.

II.

Папоротники на обрыве скалы раздвинулись и между ними появилось огромное пресмыкающееся. Гордо продвигался вперед тиранозавр, высоко неся свою уродливую, с невероятно развитыми челюстями, маленькую голову, возвышавшуюся на 6 метров над землей; передние ноги были гораздо короче задних. Все четыре его конечности были вооружены изогнутыми когтями. Тяжелое, но гибкое тело, с крепкими, как сталь, мускулами, оканчивалось длинным, легко движущимся хвостом.

Вглядываясь жесткими, безжизненными глазами в пространство, он заметил в небольшом, заросшем водорослями, озере громадное, хотя и уступавшее ему по размерам, травоядное животное. В одно мгновение тело его напряглось, глаза налились кровью. Он исчез в листве так же бесшумно, как появился, и направился вглубь чащи к небольшому горному ущелью, от которого шел отлогий спуск к долине, бывшей когда-то руслом горного потока. Медленно прокрадываясь, спускалось чудовище по склону к подножью скалы.

Изогнувшись и напрягши все мускулы, оно осторожно приближалось к намеченной жертве. Это было отвратительное на вид четвероногое с тяжелым телом и массивными ногами, с продолговатой, очень маленькой головой, оканчивавшейся длинным клювом. Нападающее пресмыкающееся застыло на месте, но через секунду быстро подтянуло под себя задние конечности, приготавливаясь к прыжку. Травоядное обладало весьма незначительными средствами защиты; спасение его было только в воде, где оно было бы недосыгаемо для преследователя. В ту минуту, когда тиранозавр уже приготовился к прыжку, животное заме-

тило врага и на момент в ужасе застыло на месте. Несколько секунд противники смотрели друг на друга, не двигаясь с места.

Вдруг тишину пререзал резкий протяжный крик, повторенный эхом в отдаленных скалах. Хищник двумя гигантскими скачками настиг жертву; раздался треск ломаемых кустов, пронзительный вой и, через минуту, колышающиеся листья папоротников затихли. Самый могучий представитель животного мира этой эпохи еще раз доказал свое право владычествовать над обитателями первобытной Земли.

III.

В то время, как тогдашние обладатели Земли боролись за жизнь на поверхности своего мира, в другом далеком мире, – на бледной, умиравшей Луне, решалась судьба населявшей ее расы.

На расстоянии 380 тысяч километров от Земли висит этот отпрыск и пленник Земли. Будучи гораздо меньше объемом, чем Земля, Луна раньше охладилась и раньше начала умирать. Хотя эволюция на нашем спутнике в общем развивалась тем же путем, как и на Земле, она, в конечном результате, породила интеллект, превосходивший в умственном развитии современного нам человека. Обитатели Луны – селениты – нашли возможность в течение очень долгого периода времени поддерживать свою жизнь искусственно. За тысячи лет до описываемого здесь великого события, лунные ученые предвидели, что необходимые для поддержания существования вещества в конце концов иссякнут. Единственным исходом было переселение всей лунной расы. Но куда? На ближайшую планету, где возможна жизнь. На Землю! Мысль о перелете в другой мир, мысль, которая только теперь начинает занимать наиболее смелые умы на Земле, осуществилась много миллионов лет тому назад обитателями другой планеты.

В эпоху, предшествовавшую исчезновению с Земли гигантских пресмыкающихся, все возрастающие познания селенитов создали машину, которая должна была победить межпланетное пространство для спасения расы, для перенесения ее на молодую Землю, еще полную материала для созидательной работы. В это время жизнь на Луне, борясь с недостатком атмосферы, перешла с высоких гор в низменности.

Строитель ракеты, за которым лунное население сохраняло название «Строитель», – даже среди своих высоко развитых в умственном отношении сограждан был выдающимся существом. Это был поистине строитель будущего своей расы. Моральное влияние его было огромно. Решено было, что он и несколько выдающихся ученых отправятся на Землю при первой возможности. Если попытка увенчается успехом, он должен был возвратиться и организовать впервые в истории мира межпланетное переселение. Помыслы каждого селенита были направлены на единственную цель – сохранение расы какой бы то ни было ценой.

IV.

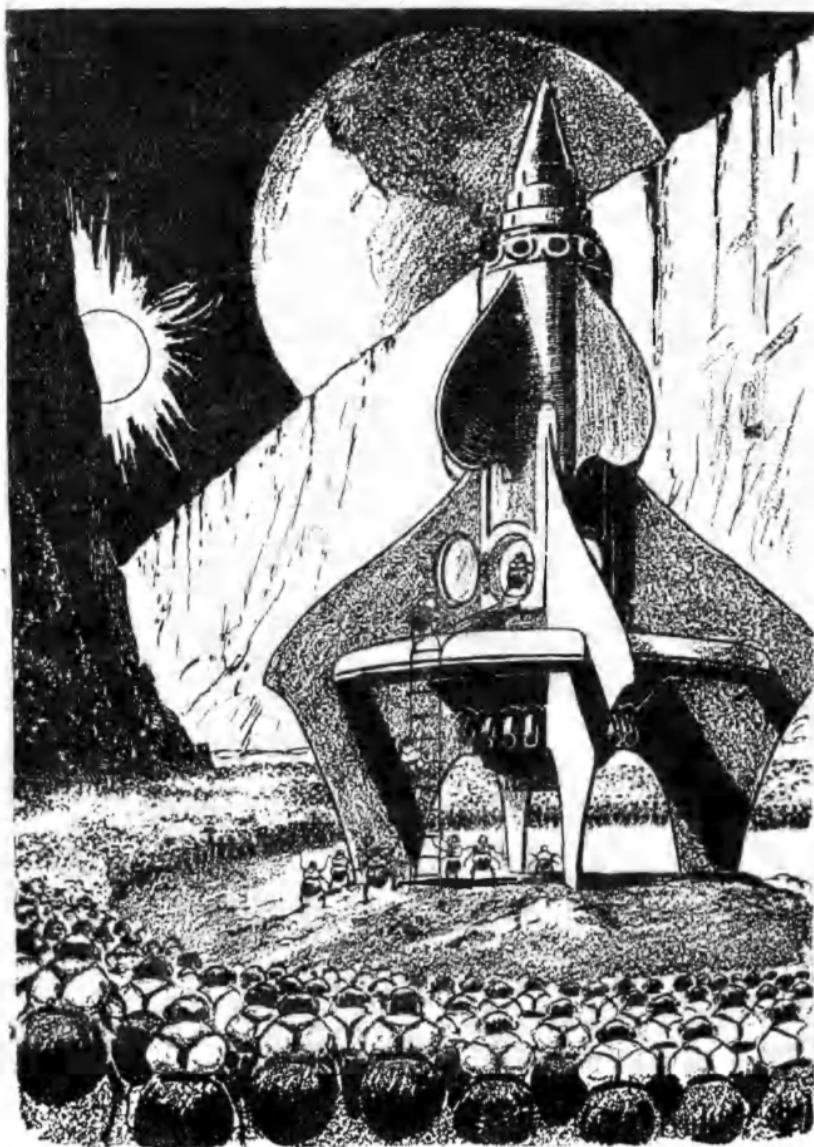
Лунный мир, затаив дыхание, ожидал сообщения с Главной Строительной верфи. Планета медленно, но верно шла к смерти. Гигантские заводы, вырабатывавшие атмосферу, один за другим прекращали свою деятельность за недостатком материала. Центральные установки, вырабатывающие тепло и свет, закрывались. Лунное население постепенно сгруппировалось в одной области планеты, где еще работали три громадных завода, и откуда должна была начаться эмиграция. Но и здесь уже начиналась паника и отдельные вспышки мятежа. Сооружение ракеты, предназначенной для первого рекогносцировочного полета Строителя, было закончено, и когда наступил период долгой лунной ночи, было решено, что ракета будет отправлена.

Лунная ночь в наше время равна 15-ти земным суткам; в период, когда на Земле царили гигантские пресмыкающиеся, она была только немногим короче.

Верфь была расположена в равнине среди горных хребтов, мрачно вырисовывавшихся на горизонте и придававших фантастический колорит обстановке этого небывалого в истории мира предприятия. Она была сооружена высоко над равниной, и на крыше ее высилась ракета, ожидавшая момента, когда Земля, обращаясь вокруг оси, появится над горизонтом. Внизу кишели волнующиеся толпы селенитов. Они только тем были похожи на земных обитателей, что держались отвесно на двух конечностях.

Всего этих конечностей было шесть, снабженных чем-то похожим на пальцы. Каждый палец имел несколько органов, предназначенных для всасывания. Корпус их был покрыт твердым роговым веществом, представлявшим собою броню, составленную из отдельных соединенных между собою подвижных частей. Голова их была покрыта подобием шерсти, окаймлявшей большие глаза и выдвинутые вперед роговые челюсти.

На верфи спешно заканчивались приготовления к пуску. Технический персонал ожидал последнего сигнала. И вот, сигнал подан... Воцарилась тишина. Тысячная толпа напряженно ждала появления смелых исследователей, готовых пожертвовать жизнью за будущее своего народа. Наконец, они появились и молча прошли во внутренность аппарата. Строитель шел в некотором отдалении от своих спутников, погруженный в глубокую думу. Перед дверью машины он остановился, долго смотрел на родные горы и равнины, на покидаемых друзей, на весь свой народ, возлагавший на него и только на него все надежды, на это волновавшееся под ним море живых существ, освещенное восходящим диском Земли. Постояв несколько минут, он молча направился к ракете и, не оборачиваясь, скрылся внутри. Большая полукруглая дверь с шумом захлопнулась. Мощный механизм под аппаратом пришел в движение, и громадный цилиндр поднялся к звездному небосклону... Высоко над вершинами гор лик Земли бесстраст-

но смотрел на своего спутника, заливая лунные долины зеленоватым светом. Раздался оглушительный удар, за ним грохот и свист, почва содрогнулась. Долина покрылась густым облаком тумана, – и ядро ринулось в бесконечное пространство...

V.

В это утро золотистые солнечные лучи особенно обильно заливали необозримую равнину доисторической Америки. Высокие кусты приветливо качались навстречу розовым облакам, медленно двигавшимся на горизонте. Переливаясь солнечными бликами, волны плескались о скалы. Тихие озера сонно улыбались дуновению ветерка, игравшего на их поверхности.

Внезапно тишина была нарушена странным, постепенно усиливавшимся шумом. На горизонте появился цилиндрический предмет и мягко спустился в долину. Открылась тяжелая полукруглая дверь, и Строитель вступил на земную почву. Он с любопытством смотрел на непривычную для него картину. В этот давно желанный час его смелые мечты осуществились. Он совершил невозможное: перенесся в другой мир. Постепенно спутники сгруппировались около него, с удивлением рассматривая роскошную растительность, прозрачные водные бассейны, всю бесконечно разнообразную и непонятную для существ другого мира земную жизнь. Оставалось изучить ее, вернуться на родную планету, создать тысячи таких же воздушных судов и начать великое межпланетное переселение.

VI.

Привлеченный шумом приближающейся ракеты, тиранозавр направился через чащу к обрыву над равниной. Он

тупо смотрел на существа, выходившие из колоссального снаряда и направлявшиеся в разные стороны. Затем медленно вернулся в чащу. Туда же углубились заинтересованные невиданной растительностью селениты. Там провели они ночь и на следующий день решили продолжать исследование. Постепенно они дошли до края пропасти, бывшей когда-то глубоким водным бассейном. Далеко внизу простиралась зеленеющая равнина. Поблизости пролегал тропинка, служившая тиранозавру обычным путем в его ежедневных утренних экскурсиях к источнику.

Осторожно пробираясь, тиранозавр вновь увидел селенитов. Они не заметили его, погруженные в исследования. Животное остановилось, притаилось за скалой, вперив в пришельцев тот упорный взгляд, который свойствен только пресмыкающимся.

Было далеко за полдень; солнце приближалось к горизонту, и лунные жители направились к ракете. Тогда решилась судьба двух миров.

Один из селенитов, обернувшись, с ужасом увидел, что за ним следит свирепое пресмыкающееся. В тот же момент он направил на зверя странной формы аппарат. Животное с пронзительным воем бросилось на врага. Темно-красная струя ударила в голову тиранозавра, нанеся ему глубокую рану. Поспешившие на помощь товарищу лунные люди, поняв с первого взгляда, что сила на стороне нападающего, обратились в бегство. Тиранозавр настигал их огромными прыжками. Преследуемые остановились, надеясь спасти вождя ценою собственной жизни. Хотя красные лучи лунного оружия пронизывали тело животного, оно устояло на месте.

Если б оно пало, если б его жертвам удалось скрыться, все изменилось бы в ходе мировой истории: селениты наводнили бы Землю и воспрепятствовали бы развитию человека. Но судьба решила иначе.

Зверь ринулся на противников, нанося во все стороны страшные удары своими могучими лапами. В первую же секунду он убил двоих своим тяжелым хвостом. За ними пали остальные. Только Строитель, отступивший в долину,

был невредим. Пресмыкающееся изнемогало; кровь струями текла из его ран.

Помедлив секунду, он сделал прыжок, бросил врага на землю и нанес ему смертельный удар.

Еще раз ударив мертвеца, тиранозавр покачнулся и тяжело грохнулся рядом с своей жертвой. Некоторое время не было слышно ничего, кроме прерывистого предсмертного дыхания и глухих стонов умирающих. Тиранозавр и его враги лежали, обращенные к западу, устремив безжизненные взоры в бесконечный горизонт.

Заходящее солнце окрасило пейзаж молодой Земли мягким теплым светом. Постепенно дыхание умирающего зверя стихло, и последний тиранозавр – царь пресмыкающихся, самый могучий и самый ужасный из когда-либо существовавших хищников, ушел с лица Земли.

Спустилась ночь, и Луна залила тела павших бледным светом, как бы заботливо набрасывая покров на своих погибших детей, возвращения которых тщетно ждал ее обреченный на смерть мир.

Х. Тристрам

БУХТА СТРАХА

I.

Под палящими лучами солнца спокойно подремывала маленькая бухта Одутрей. Ни одна морщинка не пробегала по ясной, прозрачной поверхности вод.

Андрю Манеринг сидела на веранде, упиваясь окружающей ее красотой: вокруг все цвело и благоухало; яркие, причудливые экзотические цвета создавали какую-то волшебную феерию. Низко над водой склонялись ветви, отягченные крупными алыми цветами, словно горящими факелами. Ей стоило только протянуть руку, чтобы прикоснуться к этим великолепным растениям.

И, несмотря на всю восхитительность окружающей природы, чувствовалось в атмосфере нечто волнующее, неприятное, неосознанно-жуткое. Окружающая красота казалась зачарованной медузой.

Из бэнгалу вышел мужчина, высокий, стройный, красивый. Несколько нездоровая бледность, признак долгого пребывания на восточном побережье, покрывала его лицо.

И когда он усаживался в кресло около жены, во всех его движениях замечалась вялость и какая-то напряженная озабоченность.

Джон Манеринг нес обязанности торгового представителя на побережье в течение пятнадцати лет, но в этих местах он был впервые и эта чуждая обстановка скверно действовала на его нервы. Он был на пути в Камерун, когда получил каблогранму от своей фирмы, направляющую его в Одутрей, в одну из маленьких бухт, где находилась их станция.

Фирма со свойственной телеграмме лаконичностью сообщала, что прежний агент неожиданно умер. Требовалось срочно принять дела. «Следуйте немедленно!»

Джону Манерингу эта перемена мало улыбалась. Он только что женился, молодая жена была при нем и ему не хотелось вести ее в совершенно незнакомое место, где все было ново и чуждо.

Но когда по утру они сошли с парохода и переправились на баркасе на берег, в свое новое обиталище, где они должны были пробыть лишь несколько месяцев, все их прежние опасения рассеялись при виде этого очаровательного уголка.

Вначале все их восхищало и радовало. Первая тучка набежала, когда Манеринг, несмотря на все старания, не мог найти ни одного боя, который бы согласился нести обязанности домашнего слуги в бэнгалуу. В это утро он нарочно отправился в торговые склады, на расстоянии одной мили от дома, надеясь там хотя бы и за очень высокую плату найти слугу. Но даже и эти заманчивые условия не действовали. Все, словно сговорившись, отвечали одно и то же на ломаном жаргоне побережья: «Мы не согласны работать там. Эта бухта полна дьяволов!»

Джон вначале смеялся, но после целого ряда аналогичных ответов впал в уныние, несмотря на бодрое настроение Андрью.

– О, Джон, мой дорогой! Как они глупы и смешны! Ну разве возможно, чтобы нечисть водилась в таком прекрасном месте. Оно похоже на сад Эдема.

– Ты не забывай, милая, что здесь на каждом шагу змеи!

– ответил повеселевший от ее слов Джон, и оба они рассмеялись.

К трем часам им посчастливилось, наконец, договориться с тремя боями, которые соглашались работать в бэнгалуу пока светло, но ни один из них ни за какие деньги не соглашался оставаться после заката солнца.

Распаковавшись и разобравши вещи, они кое-как устроились в своем новом жилище.

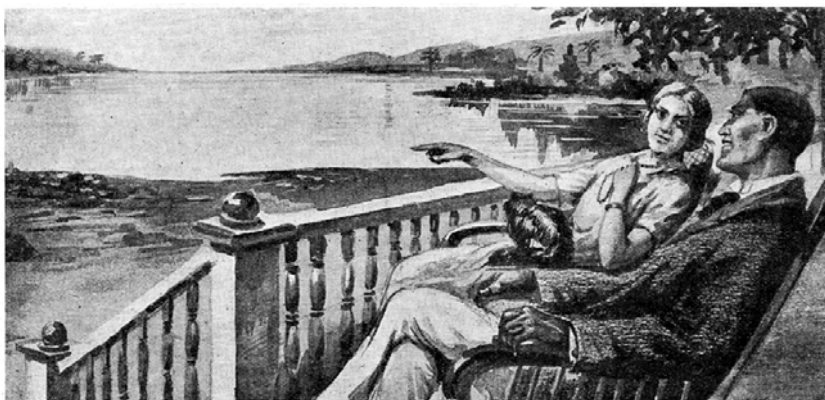
– О чем ты задумалась, Андрью? – спросил Манеринг, усаживаясь по окончании хлопот рядом с женой на веранде.

Она нервно пересела.

– Я не знаю, Джон, но меня очень интересует вопрос, какого сорта эти дьяволы?

Манеринг улыбнулся.

– О, дорогая, мы не должны придавать никакого значения глупым словам туземцев. Если бы ты прожила здесь так же долго, как я, то прекрасно бы знала, что в Африке всякая вещь одержима либо добрым, либо злым духом. Если в нашей бухте плохая рыбная ловля, этого уже достаточно для появления на сцену дьяволов.

Андрю недоверчиво покачала головой.

– Я не знаю, Джон, но мне кажется, что-то такое есть в словах туземцев... Разве ты сам не чувствуешь? Неужели ты не ощущаешь здесь какого-то непонятного страха? – проговорила она подавленным тоном.

Манеринг взглянул на жену.

– Она тоже почувствовала! – подумал он про себя с тревогой, хотя и ответил с беззаботной шутливостью:

– О, моя милая, маленькая девочка! Какие глупости она говорит! Этот вздор, эти большие мысли не должны смущать хорошенькую головку. – Он нежно обнял жену и увел ее с веранды в дом.

II.

В этот вечер, около половины шестого, Андрию и Джон мирно прогуливались вокруг бэнгалоу. Вдруг их внимание привлек шум мотора и треск ломаемого кустарника в направлении узкой тропинки, ведущей к дому. Через минуту перед ними предстал и сам разрушитель. Это был молодой человек и, видимо, очень энергичный.

Он приветствовал их задорно весело, помахивая широкополой шляпой.

– Я – Мик Шанон, ваш ближайший сосед! Услышав сегодня утром о вашем приезде, я немедленно направился сюда предложить свои услуги. Чему могу быть полезен?

– Благодарю вас, это очень любезно с вашей стороны. Имею честь представиться – Манеринг, а это моя жена! – проговорил Джон.

Молодой ирландец поклонился Андрию и на его цветущем лице появилась восторженная улыбка.

– О, как приятно встретиться с вами, м-с Манеринг. Вы первая лэди, которая появляется в здешних местах! – говорил он, не выпуская ее руки.

И Андрию и ее муж с первого же взгляда почувствовали особое расположение к этому приятному, веселому юноше.

– Пройдем в дом чем-нибудь освежиться! – проговорил Джон, подхватывая его под руку и увлекая на веранду.

Поболтав немного, Андрию под предлогом необходимости переменить туалет удалилась. Слуги зажгли лампы, хотя темнота только что наступила, и накрыли холодный ужин.

Мужчины вели оживленную беседу.

Манеринг поделился с гостем теми затруднениями, которые ему пришлось встретить в поисках слуг.

– О, да! Эта история здесь вечно повторяется. Они боятся Джун-Джун, который, по их словам, обитает в бухте.

– Да, кстати, какая причина смерти моего предшественника, м-ра Гаттона? – вдруг неожиданно спросил Манеринг.

Шанон сдвинул в угол рта трубку и бросил на него вопросительный взгляд.

– Какая причина? Да разве она вам неизвестна?

Манеринг схватил его за руку.

– Мой дорогой друг, если бы я знал, то не стал бы вас спрашивать. Все, что мне известно, это то, что Гаттон умер внезапно и меня фирма направила сюда, временно, до прибытия нового агента. На основании одной только телеграммы трудно делать какие-либо дальнейшие заключения.

Шанон, прежде чем ответить, вынул трубку и положил ее на стол.

– Ну, если так, то, пожалуй, будет лучше, если я сообщу вам некоторые подробности.

– Дик Гаттон в припадке безумия бросился в бухту и погиб. Причиной этого врачи считают спиртные излишества. Тело Дика найдено не было.

Джон Манеринг нервно придвинулся к свету и пристально посмотрел на говорившего.

– Но на каком же основании вы не доверяете мнению врачей?

Ирландец на минуту призадумался.

– На очень простом: я прекрасно знал Дика. Он, правда, не был трезвенником, но никогда не позволял себе никаких излишеств. В течение последних шести месяцев я был постоянным его посетителем, но не замечал за ним этого порока. Последний раз я видел его накануне смерти и он был воздержан, как всегда. Не станете же вы утверждать, что в течение суток человек мог настолько изменить свои привычки, чтобы напиться до белого каления и броситься в бухту?..

Манеринг покачал головой.

– Я не утверждаю этого. Но что же другое можно предполагать? Ведь даже тело не нашли?

– Да, но к моменту происшествия у Гаттона был слугой некий Кру. Он был не из здешних мест, а потому не придерживался ни обрядов, ни верований здешних туземцев; он не верил в дьявола и потому оставался в бэнгалоу на ночь. На основании исключительно его показаний, врачи и сде-

ляли свое заключение. Вот как все произошло по словам желтокожего: солнце зашло, часа через три он услышал дикие крики своего хозяина, они раздавались в направлении бухты. Старый Кру выскочил из дома и бросился на крик. Ночь была лунная. Он подоспел как раз к моменту, когда его хозяин, взмахнув несколько раз руками в воздухе, навсегда погрузился в глубину. Желтокожий утверждал, что злой дух вселился в его хозяина.

Окончив, Шанон откинулся на спинку кресла.

– И вы будете после этого уверять меня, что Гаттон был в полном уме? Если он не выпивал лишнего, то имелась какая-либо другая ненормальность.

– Да нет же! Я повторяю вам, что Дик был так же здоров и нормален, как мы с вами. Я никогда в своей жизни не видел более здорового и жизнерадостного человека. Желтокожий слуга первым высказал предположение, что его господин выпил лишнее, за ним стали повторять и другие, за исключением меня.

– Да, но с ваших слов все это предположение кажется довольно сомнительным. Но тогда у вас, должно быть, свои соображения. Может быть, вы не откажетесь поделиться ими со мной?

Шанон встал и нервно заходил по веранде. Приблизившись к перилам, он облокотился на них:

– Вы старше меня, Манеринг, вы дольше меня живете в этой проклятой стране и следовательно знаете, какие невероятные вещи случаются в Африке. И самое странное это то, что мы живем здесь и смеемся, когда должны бы давно убраться отсюда... Конечно, я мог бы думать, что Гаттон попал в пасть крокодила, если бы не знал наверняка, что в этих водах крокодилы не водятся. Чудовище, которое обитает, согласно утверждениям туземцев, в этой бухте, убило все живущее. Может быть, во время своего недолгого пребывания вы уже заметили, что здесь не видно никаких признаков жизни. В здешних водах нет рыбы, на целую милю по этому берегу вы не встретите ни птиц, ни зверей.

Джон Манеринг громко расхохотался.

– Мой дорогой друг! Вы со своими сказками походите на старую бабу. Лучше выпейте и прекратите ваши мистические разглагольствования! – проговорил Джон, наполняя тонкие, похожие на гвоздики, бокалы.

Шанон бросил через плечо взгляд на бухту. Темная вода искрилась при бледном лунном свете. Он слегка вздрогнул, залпом выпил бокал и снова повернулся к Манерингу.

– Вы полагаете, что это плод моей досужей фантазии? Посмотрим... Пройдет неделька-другая и ваш трезвый, холодный англо-саксонский ум придет к тем же заключениям. Я не успел сообщить вам еще следующего факта: за шесть месяцев до смерти Гаттона его предшественник погиб тем же манером. Но он пил. Лично меня вы никак не убедите, что это послужило причиной его смерти. Этот случай произошел вскоре после того, как ваша фирма приобрела здешнюю станцию. Здание было выстроено за восемь месяцев до того одним голландским торговцем. Туземцы предупреждали его о неблагополучности места, но красота и выгодность положения настолько прельстили его, что он не хотел ничего слушать и обосновался здесь. Два месяца спустя он погиб точно так же, как оба агента. Теперь вы видите, что я имею некоторые основания для своих «бабьих» утверждений и, если вы прониклись ими, то послушаетесь моего совета и не будете после наступления темноты подходить к воде ближе, чем на сто ярдов.

Манеринг задумался.

– Но в чем же здесь дело? — воскликнул он наконец. — Ведь лично у вас должно же быть какое-либо объяснение на этот счет! Туземцы приписывают все дьяволу, но ведь вы же не предполагаете его вмешательства?

– Нет, я не думаю... Но я полагаю, что в глубине этой бухты, в этой темной воде, может обитать какое-либо существо, пожирающее все живое. На самом деле, чем объяснить бесплодность вод в стране, где все дышит таким обилием. Тело Гаттона так и не всплыло на поверхность, хотя долгое время этого ожидали и внимательно наблюдали. Не дали никаких результатов и поиски тела, т. к. бухта слишком глубока.

В это время слышались шаги и они умолкли.

На веранду вышла Андрия, радостная, сияющая красотой и здоровьем.

– Вы сейчас своим видом напоминаете мне вещей птиц. Чем это вы занимаетесь? Рассказыванием таинственных историй? – Ее глаза заискрились насмешкой.

Мужчины слегка улыбнулись и обменялись взглядами.

– Какая очаровательная мысль пришла тебе в голову, моя милая, подозревать двух взрослых мужчин в пристрастии к фантастическим сказкам?

Проговорив это, он подошел к жене и обнял ее, как бы стараясь защитить от чего-то.

Шанон откашлялся.

– Вы должны простить мне, м-с Манеринг, что я так долго засиделся у вас, но я информировал вашего мужа относительно здешних условий торговли и мы так увлеклись, что не заметили, как пролетело время.

– Да, время позднее и вы должны непременно остаться с нами закусить. Правда, на ужин у нас нет ничего, кроме холодной говядины; вероятно, муж рассказал вам, на каких условиях мы наняли боев?

Она улыбнулась, приглашая гостя к столу. Но никакие уговоры хозяев не могли убедить молодого ирландца остаться ночевать, он уверял, что ему необходимо эту ночь быть дома. Учитывая двадцать миль скверного пути, хозяева не стали дольше удерживать своего гостя. На прощанье он обещал на этой же неделе заглянуть опять, если м-с Манеринг ничего не будет иметь против. В ответ на это молодая чета постаралась уверить его в своих симпатиях.

Шанон завел машину и пустил ее во весь ход. Манеринг понял, что он хотел удрать, как можно скорее, подальше от бухты.

III.

Четыре дня спустя Манеринг с женой сидели на веранде за чаем. Был знойный полдень и они оба изнывали от жары и скуки. Вдруг послышался далекий шум мотора и вскоре сквозь прорубку деревьев они увидели приближавшегося Шанона.

– Алло! – весело кричал он. – Вот видите, я налицо, как обещал! – говорил он, вбегая по лестнице на веранду.

– У меня на завтра дела в бухте, а потому я буду просить вас приютить меня на ночь. Я знаю, вы стеснены помещением, но мне бы не хотелось тащиться в такую даль к доктору, у которого я обычно останавливаюсь, когда бываю здесь по делам. Могу я рассчитывать на вашу любезность?

– Что за вопрос? Мы так рады видеть вас! – говорил Манеринг, здороваясь с ним. – Идемте скорее пить чай, мы только что начали.

Шанон шлепнулся в одно из кресел и лицо его расплылось в довольной улыбке.

– Как приятно опять быть в вашем обществе, м-с Манеринг! Все эти дни я только и мечтал о том, как бы скорей попасть к вам, усесться уютно на веранде, пить чай... Вы не можете себе представить, как мы, холостяки, завидуем вашему счастью! – проговорил он, обращаясь к Джону.

– Вы знаете, я почти нигде не бываю, разве у доктора, но его трудно застать дома. Меня же никто не посещает, редко-редко заглянет кто-либо по пути передохнуть. В ближайшее время я ожидаю двух своих приятелей из Лагоса. Они приедут на несколько дней поохотиться на крокодилов. Прекрасные молодые люди. Я непременно затащу их сюда, показать вам.

– Я буду очень рада! Сколько вам положить кусочков, один, два? – спрашивала м-с Манеринг гостя, наливая чай.

– Один! Благодарю вас! Ну, как вы находите теперь Оду-грей после недельного пребывания здесь?

Чашка расплескалась в руках Андрию при этом вопросе.

– Да, как вам сказать, м-р Шанон? Я просто затрудняюсь с ответом. Когда мы прибыли сюда, мне казалось, что это прелестнейший уголок в мире... я и сейчас так думаю... Только... почти с первого дня я почувствовала что-то отталкивающее во всей этой красоте, вокруг словно что-то таится, подстерегает нас, чувствуется какая-то жуть...

Манеринг обменялся взглядом с гостем.

– О, моя дорогая, – проговорил он шутливым тоном, – какие глупости ты говоришь. Ты заразилась суевериями туземцев и...

– Совсем нет, Джон! – нетерпеливо прервала она. – Я не придаю ровно никакого значения словам туземцев, но в этой глубине действительно таится что-то жуткое. Вы смее-тесь, но в душе вы согласны со мной. Почему вы не позволяете мне подходить близко к воде с наступлением темноты? – Она на минуту умолкла. Но едва ее муж раскрыл рот, чтобы произнести что-то, она вновь заговорила.

– Подожди, Джон! Выслушай меня! Я еще не все сказала и я чувствую, если я не выскажусь, то сойду с ума... Почему ты не только не пускаешь меня, но и сам не подходишь к воде после захода солнца? Почему прошлый вечер, когда мы играли за домом и мой мяч покатился далеко к берегу, ты не хотел поискать его, оставив до утра? Ты не смеешь насмеяться надо мною, ты сам не лучше меня!..

– Андрию, дорогая, я и не думал насмеяться. Мне хотелось только рассеять твои болезненные мрачные мысли! – Нервная улыбка появилась на его лице и взгляд старался избежать глаз жены.

Андрию обратилась к ирландцу.

– О, как я ненавижу это место, м-р Шанон! Мы потеряли здесь нашу собаку, которую благополучно довели из самой Англии. Джон думает, что она попалась змее в кустарнике. О, мой бедный старый пинчер, он был мне так дорог! – воскликнула она со слезами в голосе. – И я уверена, что он, несчастный, в бухте. Нет, нет, дайте мне закончить! – проговорила она, заметив желание мужчин возражать.

— За сутки до этого, ночью, когда мы уже были в постели, послышалось сердитое рычание пинчера. Он всегда спал в корзине на веранде. Я тогда подумала, что это шатаются туземцы и попросила Джона посмотреть, в чем дело. Он вышел на веранду, взяв с собой электрический фонарь, так как ночь была страшно темна; еще с вечера все небо заволокло тяжелыми облаками, и я думала, будет шторм. Я наблюдала, как Джон направлял лучи фонаря в разные стороны. Он окликнул меня и сообщил, что никого не видно вокруг, пинчера он тоже не мог найти, на веранде его не было. Едва он кончил, послышался злобный, удалявшийся в направлении бухты лай пинчера. Джон стал свистать и звать его, но он продолжал лаять. И вдруг лай сменился страшным визгом ужаса и боли, почти человеческим стоном, смешавшимся с громким шумом расплескиваемой воды и затем все смолкло. Джон ничего не предпринимал, он стоял на веранде, вместо того, чтобы немедленно броситься к бухте. Когда он вернулся, я умоляла его поискать бедного пинчера, хотя я знала наверняка, что его уже нет в живых. Джон не пошел. Он не оправдывался, нет! Проробмотав, что в такой темноте ничего не найдешь, он улегся в постель. Это была наша первая размолвка, и я всеми силами моей души ненавижу это место.

Когда она умолкла, мужчины заерзали в своих креслах. Лицо Манеринга было серое, напряженное. Под белым светом лампы, которую зажгла Андрию, молодой человек казался страшно бледным.

Сделав усилие, он произнес:

— Я никак не могу осудить вашего мужа за то, что он не пошел разыскивать собаку. В этой стране ночью совершенно нельзя ходить. Ваш муж мог быть убит змеей, он мог в темноте оступиться и попасть в воду. В конце концов, его отказ объясняется только заботливостью о вас. Если бы с ним что-либо приключилось, вы остались бы в ужасном положении, одна до утра в бэнгалу...

Манеринг бросил благодарный взгляд на говорившего, на глазах же Андрию показались слезы.

– Я знаю, м-р Шанон, что вы правы, но я так огорчена этой утратой, ведь он был у меня много лет. Я не подумала тогда, что убийца пинчера мог напасть и на мужа. О, Джон, дорогой мой, прости меня! – Она подошла к мужу и, наклонившись над креслом, нежно поцеловала его.

– Пустяки, дорогая, прощать нечего! – проговорил он, возвращая ей поцелуй. – А теперь давайте поговорим о чем-нибудь более веселом. Так не развлекают гостей, моя милая, ты возьми себя в руки. Вон, смотри – киска идет за молочком! – Он поймал персидскую кошку и стал с ней играть.

Андрю залюбовались движениями кошки. – Какая грациозная! – проговорила она, поглаживая ее шелковистую шерсть. – Если бы кто-нибудь знал, что мы до восьми часов вечера просидели здесь и проболтали о всяких ужасах! – воскликнула она, сбросив тяжелые мысли. – Что вы скажете насчет того, чтобы устроить ужин на воздухе? Ночь дивная и вы свободно вдвоем перетасщите стол. Вставайте живо! Надеюсь, наши бои приготовили нам что-нибудь вкусное, прежде чем улетучились!

Мужчины вскочили, исполняя ее желание.

– Великолепная мысль, м-с Манеринг! Ночь дивно прекрасная. Все ярко залито серебром и светло словно днем! – проговорил восторженно Шанон, повернувшись лицом к круглому блестящему диску луны, всплывшему над вершинами пальм.

– Да, – пробормотал Манеринг едва слышно, – хотел бы я, чтобы та ночь, когда погиб пинчер, была такой же светлой. Я бы мог знать...

– Т-ш-ш! Замолчите вы, глупец! – перебил его Шанон. – Вы хотите снова расстроить вашу жену?

Андрю остановилась на минуту, бросив накрывать на стол и прислушалась.

– Опять какой-то заговор? – и, вдруг переменив тон, с беспокойством заметила. – Что такое? Взгляните на Китти?

Пораженные ее тоном, они посмотрели в указанном направлении.

Кошка, которую за минуту перед тем ласкал Манеринг, стояла на самом берегу и пристально глядела в воду. Ее выгнутая, взъерошенная спина указывала, что она видит в воде что-то страшное.

Андрю быстро сбежала с лестницы и направилась к берегу. Манеринг и Шанон бросилась вслед за ней, умоляя вернуться. Но она, не обращая внимания на их просьбы, подбежала к кошке, которая все еще продолжала злиться и ворчать, схватила ее на руки и тут же с криком ужаса упала на землю.

Мужчины приблизились к ней. Манеринг наклонился над женой, стараясь ее поднять.

Шанон же с ужасом в глазах вперился в воду. Он стоял неподвижно, словно остолбенев, и при бледном свете луны казался окаменевшей статуей.

Не вставая с колен, Манеринг передвинулся на самый край берега, чтобы зачерпнуть воды и смочить голову, все еще не приходившей в сознание, жены. Но едва он опустил руки в холодную воду, его расширившиеся глаза уперлись в одну точку и застыли.

На поверхности воды, освещенное светом луны, плавало никогда невиданное им чудовище.

Вдруг вода заволновалась сильнее, чудовище заворочалось и вытянуло голову по направлению к берегу. Серые, громадные, величиной с тарелку глаза горели красноватым огнем. Голова в четыре фута шириной, и все туловище было покрыто как у крокодила чешуей, но только более крупной. Странный круг, диаметром фута в два, покрытый розовой кожей, заменял рот; края его окаймлялись крупными лучеобразно расположенными складками кожи. Этот рот напоминал своим видом нижнюю часть морской анемоны, которой она присасывается к скале. Чудовище направляло свой присосок в ту сторону берега, где находились все еще намагнетизированные мужчины. При его движении ужасный смрад отравил воздух, словно здесь были собраны гниющие отбросы за много лет.

И когда это зловоние дошло до ноздрей остолбеневших мужчин, они начали медленно приходить в себя. Шанон

медленно, словно сонный, передвигался в направлении дома. Водяное страшилище зашевелилось и последовало за ним. И, по мере того, как оно выходило из воды, яснее обозначалось его тело гигантского крокодила, длиной футов в тридцать и почти такой же ширины. На месте обычных четырех коротких лап крокодила огромное туловище было окружено присасывающими щупальцами. Эти щупальца, которых насчитывалось штук сорок, напоминали щупальца осьминога, но были много длиннее и толще.

И вдруг раздался нечеловеческий, полный ужаса крик Шанона, к которому вернулось, наконец, сознание. Он бегом бросился к Джону.

– Манеринг, бежим скорее! Щупальца близятся к берегу! Ради всего святого, быстрее!

Он наклонился над Манерингом, все еще стоявшим на коленях, и поднял его. Схватив на руки Андрию, он изо всех сил пустился бежать к дому. Но едва он пробежал несколько ярдов, как вокруг его правой ноги захлестнулся липкий жгут. Шанон тяжело грохнулся вместе со своей ношей на землю. Голова неудачно попала на острый зазубренный камень, и он потерял сознание. Даже под тяжестью навалившегося на нее тела Андрию не пришла в себя и это было для нее счастьем.

Манеринг же продолжал стоять как зачарованный, наблюдая за страшными движениями щупальцев, вылезавших на берег за добычей. Одно из огромных щупальцев направилось к нему, с невероятной быстротой обвилось вокруг его груди и потащило в воду. Почувствовав липкое прикосновение, Манеринг точно сошел с ума и бешено вцепился руками в напрягшиеся мускулы щупальца. Он рвал, раздирал их в отчаянной попытке освободиться. Душераздирающие крики оглашали воздух. В это время одно из щупалец вернулось с берега с добычей. Красавица-кошка лежала в красном присоске пресмыкающегося, и оно смаковало свою жертву, издавая отвратительные звуки чавканья, в которых слышалось полное довольство. Приближались следующие жертвы: Манеринг вопил и боролся с нечеловечес-

кими усилиями, Шанон же не оказывал никакого сопротивления. Андрию лежала в прежнем положении.

В это время раздался ужасный предсмертный крик Манеринга, подтащенного к воде и пытавшегося из последних сил удержаться, и следом за ним послышался выстрел, один, другой, третий...

Со сдавленным хрюканьем чудовище забарахталось в воде и стало тонуть, увлекая за собой свои жертвы. Одно из щупалец в предсмертной агониихватило Андрию и потащило ее за собой.

IV.

– Да, у этих молодых людей оставалось немного шансов на спасение. Мне даже жутко думать о судьбе, которая ожидала их и молодую женщину, если бы вы и Деворокс не подоспели вовремя!

– Да, это правда, Дик! Но если бы вы видели ту картину, которая представилась нашим глазам, когда мы явились сюда, ваши предполагаемые шансы сошли бы на нет. Как я уже вам рассказывал, мы направлялись к Шанону, чтобы поохотиться вместе с ним на крокодилов, но вследствие порчи машины нам пришлось остановиться здесь. Мы направились к дому в надежде найти ночлег. С трудом пробирались мы через кустарник, окружающий дом. Нас сопровождали два боя, вооруженных испанскими ножами, на случай встречи с змеями. К счастью, у меня и Джека были с собой тяжелые винтовки, благодаря какому-то случаю оказавшиеся заряженными. Та картина, что представилась нашим глазам, могла повергнуть в состояние растерянности даже самого храброго человека. Бои, побросав свои ножи, пустились наутек от этого проклятого места! — Деворокс тяжело вздохнул.

– Я остановился словно в столбняке и только выстрел Джека вернул мне сознание. В пяти ярдах от нас находилась бухта, на поверхности которой плавало нечто настоль-

ко ужасное, что вряд ли даже самое пылкое воображение могло себе представить что-либо подобное. Это было что-то среднее между динозавром и декаподом. Огромная голова этого безобразного чудовища покоилась на длинной змеиной шее. Судя по окраске, его можно было отнести к постоянным обитателям морских глубин, куда никогда не проникает свет.

Выстрел Джека был на редкость удачен. Огромное животное заволновалось. Тогда я прицелился в его похожий на лампу глаз и выстрелил. Очевидно, одна из наших пуль попала в живой центр, так как чудовище задвигалось быстрее, бурля вокруг себя воду, и начало быстро тонуть, увлекая за собой свои жертвы. Я закричал Матезону, чтобы он поскорее подобрал ножи, брошенные боями. Мы едва-едва успели с помощью орудий вырвать добычу у уходящего в глубину чудовища.

Перенеся пострадавших в дом, мы оказали, насколько сумели, первую помощь и затем, как только они пришли в себя, немедленно, не дождавшись вас, отправили их подалее от этого проклятого места.

– Я полагаю, что все было сделано правильно, не так ли, доктор?

– Конечно! Пострадавшим требовалось госпитальное лечение и, кроме того, это избавляло от излишних расспросов, которые могли снова взволновать их! – произнес доктор.

И едва он закончил фразу, брызнул бледный утренний рассвет и разом сменил темноту ночи; такие резкие смены дня можно наблюдать только на экваторе. И в этот самый момент Матезон с громким криком вскочил со своего кресла, указывая по направлению бухты. На поверхности воды плавало перевернутое тело огромного доисторического пресмыкающегося.

Мужчины бросились на берег.

– Мы непременно должны заполучить его скелет. Какая будет находка для науки! – говорил доктор.

Но в тот момент, как они достигли берега, тело стало тонуть и так быстро, что им не удалось даже рассмотреть подробностей его нижней части.

Когда чудовище окончательно погрузилось в воду, Матезон произнес:

— Я опасаюсь, доктор, как бы наука не потеряла в вашем лице ценного работника. Эта бухта бездонна, и я надеюсь, что вы не сделаете такой глупости, чтобы теперь же заняться вашими научными изысканиями. И прежде всего предлагаю взорвать динамит в этой бухте, чтобы выяснить, не осталось ли у этого допотопного чудовища других спутников его жизни.

Фил Робинсон

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВАМПИРОВ

Помните ли вы находку костей «человека-ящерицы» в пещере на Амазонке где-то в сороковых годах? Вероятно, нет.

Открытие это, однако, вызвало большой шум в научном мире и даже привлекло внимание светского общества. День или два в Белгравии было очень модно рассуждать о «свя-зующих звеньях», «эволюции человека из рептилии» или «обоснованности древних мифов», населявших мир кентаврами и русалками.

Дело было так: один немецкий еврей, торговец каучуком, пробираясь в компании обычной толпы туземцев сквозь сельву у реки Мараньон, нашел на берегу, где разбил лагерь, какие-то кости. Из праздного любопытства торговец начал их складывать и вдруг с удивлением увидел перед собой скелет существа с руками и ногами человека, собачьим черепом и огромными крыльями, похожими на крылья летучей мыши. Будучи человеком практичным, торговец решил, что на подобном курьеze можно неплохо заработать; тогда он собрал в мешок все кости, какие смог найти, и в надлежащее время они были доставлены на спине ламы в Ча-чапояс, а оттуда в Германию.

К несчастью, имя торговца совпадало с именем другого немецкого еврея, который незадолго до этого пытался про-вести научный мир с помощью папирусных свитков, якобы созданных еще до всемирного потопа, но был изобличен и выведен на чистую воду. И потому, когда его тезка появился с костями крылатого человека, с ним обошлись без лиш-них церемоний.

Тем не менее, торговец удачно продал свой каучук, оста-вил кости молодому студенту-медику из старинного универ-ситета Бирундвурст и вернулся к своим каучуковым дере-вьям, туземцам и берегам Амазонки. На этом рассказ о нем заканчивается.

Молодой студент в один прекрасный день начал состав-лять скелет из фрагментов костей и, сколько ни бился, по-лучалось одно – крылатый человек с собачьей головой.

Несколько ребер оказались лишними, и несколько фраг-ментов позвоночника никак не удавалось приладить к ске-

лету; но что еще можно было ожидать от такого невероятного существа, чья анатомия могла любого поставить в тупик? Среди студентов начали ходить слухи, о находке узнали профессора – короче говоря, ученые мужи из университета разобрали скелет по косточкам и снова сложили его собственными учеными руками.

Но сколько они ни бились, получалось одно – крылатый человек с собачьей головой.

Дело становилось серьезным; сперва профессора были озадачены, потом начали ссориться; их препирательства вылились в ядовитые брошюры и ответные памфлеты. Так весь мир узнал о яростной полемике вокруг «амазонского человека-ящерицы».

Одни утверждали, разумеется, что такого существа на свете быть не может, и объявляли кости искусной подделкой. Другие в ответ предлагали скептикам самим изготовить такую же подделку и обещали за это настолько высокие награды, что музей месяцами осаждали ослепленные блеском золота мастера. Но никому из них не удалось изготовить второй скелет человека-ящерицы. Человеческая его часть не представляла сложности – для этого требовался лишь скелет человека. На стигах крыльев, однако, сидели громадные, черные, блестящие, изогнутые кости, и их-то самым изобретательным мастерам никак не удавалось повторить. Затем «истинники», как стали называть себя ученые, верившие в подлинность чудовища, бросили «поддельщикам» новый вызов: они открыто призвали их определить, какому созданию, если не человеку-ящерице, принадлежали крылья или голова. Ответа так и не последовало.

Победа, стало быть, досталась «истинникам», но – увы! – не кости. Ибо «поддельщики», действуя методами подкупа и кражи, сумели добраться до драгоценного скелета, и – о горе! – однажды утром выяснилось, что жемчужина музейной коллекции исчезла. Остались только человеческие кости, но голова и крылья бесследно пропали, и с того дня их никто больше не видел.

Какая же из двух партий была права? По правде сказать, ни та, ни другая, как показывают следующие ниже отрывки.

Давным-давно, рассказывают индейцы сапоро, населяющие район между Амазонкой и Мараньоном, в Пампа дель Сакраменто забрел отряд золотоискателей, белых, которые прогнали индейцев с их земель и завладели ими.

Это были первые белые, попавшие в те края, и индейцы очень страшились их ружей, но в конце концов вероломство заменило им мужество: притворившись дружелюбными, индейцы подослали к пришлецам своих женщин, и те научили их делать тукупи из корней маниока, но не рассказали им, как отличать созревшее растение от незрелого. И жалкие белые сделали тукупи из незрелых растений (всем известно, что в этом случае тукупи вызывает припадки, как при эпилепсии). Когда белые в лагере стали беспомощно кататься по земле, индейцы напали на них и всех убили.

Всех, кроме троих. Этих они отдали Вампиру.

Но что же это такое – Вампир? Сапоро не знали. «Очень давно», – рассказали они, – «в Перу было много вампиров, но всех их поглотила земля во время Великого Землетрясения, когда из глубин поднялись Анды. Остался только один ‘Аринчи’; он обитает там, где Амазонка встречается с Мараньоном, и не ест мертвечину – только живые тела, из которых брызжет кровь».

Такова легенда; о том, что она имеет под собой некоторые фактические основания, свидетельствуют исторические хроники этой местности: в них говорится, что индейцы Мараньона не раз расправлялись с белыми искателями золота, пытавшимися изгнать их с золотоносных берегов. Что же до Аринчи, или Вампира, то о нем в официальных хрониках не упоминается. Другие местные суеверия, однако, могут пролить свет на загадку человека-ящерицы из университета Бирундвурст.

Принося жертвоприношение «Вампиру», индейцы связывали человека и клали его в каное; затем каное доставляли в некое место, представляющее собой лабиринт заводей и болот с пологими и склизкими глинистыми берегами,

в конце которого имелась скала с пещерой. Здесь и оставляли каноэ. Медлительное течение притока доставляло к пещере все, что оказывалось в воде. Некоторые индейцы видели, как лодки медленно, делая лишь несколько ярдов в час и крутясь вокруг своей оси, приближались к зияющему отверстию, а после исчезали в пещере. Многие поколения индейцев дивились тому, что пещера никогда не заполнялась, хотя в нее день за днем втекал поток воды, лениво неся с собой речной мусор. Поэтому они считали пещеру бездонной и называли ее входом в Ад.

Однажды белый человек, профессор из того же университета Бирундвурст и могучий охотник на жуков пред Господом, живший в дружбе с индейцами, отправился на болота, подобрался к самому входу в пещеру и пустил внутрь небольшой плотик, нагруженный трупом и сухими ветвями; все это он предварительно поджег и около часа смотрел, как горящий плотик, освещая влажные стены пещеры, медленно плыл вперед – а затем огонь *кто-то погасил*.

Огонь не исчез внезапно, как если бы плотик утонул или соскользнул с обрыва в водопад; нет, огонь как будто был намеренно потушен.

Горящие поленья и ветки разлетелись по сторонам и долго еще тлели на уступах и горах камней, где упали, а в пещере поднялся ветер и эхо донесло звуки громадных хлопающих крыльев.

И наконец профессор сам решил отправиться в пещеру. «Я взял», – писал он в дневнике, – «большое каноэ и соорудил на носу жаровню из прочных обручей для бочек, а за нею рефлектор из жестяного сита для промывки золота; я загрузил каноэ корнями каучукового дерева, сухими ветвями, бататами и сушеным мясом. С собой я имел два копия; кончик одного из них был смазан ядом воорали, который парализует, но не убивает. Течение понесло лодку в пещеру; я зажег огонь и, отталкиваясь шестом, с большой осторожностью направил каноэ в туннель. Вскоре туннель расширился и я, пробираясь вдоль одной из стен, внезапно заметил, что у другой стены что-то движется.

Я навел на это место свет: там, на уступе скалы, сидело животное с большой и серой собачьей головой. Глаза у него были большие, как у коровы.

Форму тела я сначала не мог рассмотреть. Постепенно я начал различать очертания больших крыльев, похожих на крылья летучей мыши – они были полностью развернуты, как будто зверь весь вытянулся и готовился взлететь. Так оно и было. Только я подумал, что вижу перед собой огромную летучую мышшь-рептилию, известную науке только в ископаемом виде, и испытал потрясение при мысли, что нахожусь рядом с одной из так называемых вымерших летучих ящериц допотопных времен, как животное взвилось в воздух и в следующую секунду набросилось на меня.

Вцепившись в каное, оно стало яростно сбивать огонь крыльями, а я всеми силами старался удержать лодку на плаву и не дать ей перевернуться. Зверь застал меня врасплох; сила и быстрота ударов едва не оглушили меня, прежде чем я начал сопротивляться.

К тому времени – не прошло и полминуты – могучая бестия почти потушила жаровню; вампир, очевидно, принял меня за священную жертву и успел вцепиться когтями в мою одежду. В следующее мгновение я пронзил его копьем, и существо, бешено захлопав крыльями, разжало хватку и свалилось в поток.

Я как можно быстрее развел огонь снова и увидел, что Аринчи, с распластанными на воде крыльями, уносит течением. Я последовал за ним.

Час за часом я плыл по темной и тихой реке, направляя рефлектор на эту серую собачью голову с коровьими глазами. Время от времени я что-то ел и пил, но заснуть не осмеливался. Прошел, вероятно, день и две ночи – и тогда, как я давно ожидал, впереди показалось отверстие в виде глаза, откуда забрезжил бледный свет. Я понял, что скоро выберусь из пещеры.

Отверстие все приближалось, и я в нетерпении поглядывал на свою добычу, плывущего по воде Аринчи, последнего из рода Крылатых Рептилий.

В воображении я уже видел себя самым известным путешественником Европы – героем дня. Могли ли кенгуру Бэнкса или гориллы дю Шайлю сравниться с моим открытием, с находкой последнего из птеродактилей, существа, жившего до Потопа – летающего Ящера из древнейшей эпохи болот и катастроф?

За этими мыслями я не заметил, что вампир больше не движется, как вдруг нос лодки врезался в него. Вампир в один миг забрался на лодку. Огромные крылья снова били меня, когти оставляли на теле горящие царапины: существо отчаянно пыталось проскользнуть мимо и исчезнуть во тьме. Оно увидело впереди свет дня и предпочло солнцу сражение.

Оно нападало с яростью бешеного пса. Я отбивался шестом и, уловив момент, когда вампир, размахивая крыльями, вцепился в нос лодки, угостил его таким ударом, что он упал в воду. Он поплыл было прочь (тогда я впервые разглядел его длинную шею), но я ударил его шестом по голове и оглушил. Течение вынесло нас из пещеры на свет.

Какое счастье вновь оказаться на свежем воздухе! Был полдень. Когда лодка выплыла из пещеры, блеск реки после двух дней почти полной темноты чуть не ослепил меня. Я направил каноэ к берегу, в тень деревьев; на плывущее в воде тело вампира я набросил петлю и потащил его за собой.

Снова на твердой земле – и Вампир в моих руках!

Я вытащил его из воды. Какое отвратительное создание – крылатый кенгуру с шеей питона! Он был еще жив; я нашел полоску кожи и плотно привязал его крылья к телу. После я заснул. Проснулся я на рассвете; позавтракав, я погрузил своего пленника в каноэ и поплыл вниз по реке. Куда я плыл, я и сам не знал; знал только, что плыву к морю и оттуда – в Германию; этого мне было достаточно.

Почти два месяца течение несет меня по этой нескончаемой реке. О моих приключениях, враждебных туземцах, о

порогах, ягуарах и аллигаторах рассказывать даже не стоит. Все это выпадает на долю любого путешественника. Но мой вампир! Он жив. Мною движет теперь одна страсть – сохранить его в живых, показать Европе последнего живого, дышащего потомка великих Рептилий, известных людям, что скрылись в волнах во времена Ноя, пропавшее звено между рептилиями и птицами. Ради этого я отказывал себе в пище; отказывал даже в драгоценных лекарствах. Мне пришлось отдать вампиру весь свой хинин; а когда ночью с реки поднимались вредоносные испарения, я накрывал его одеялом и сам оставался незащищенным. Не подцепить бы черную лихорадку!

Три месяца, и все еще эта ненавистная река! Неужели она никогда не кончится? Я был болен – так болен, что два дня его не кормил. У меня не было сил сойти на берег и разыскать ему пищу, и я боюсь, что он умрет – умрет до того, как мы вернемся домой.

Снова приступ – черная лихорадка! Но вампир жив. Я поймал викунью, плывшую по реке, и он высосал ее досуха – галлоны крови. Перед этим он три дня провел без еды. В голодной жадности он порвал свои путы. Я с трудом связал его снова. Мне пришла в голову ужасная мысль. Что если он, проголодавшись, опять разорвет ремень, когда я буду лежать в бреду? Ах! это ужасно! Жутко смотреть, как он питается. Он соединяет вместе когти на крыльях и весь сжимается над телом; голова его закрыта крыльями, и ее не видно. Но жертва даже не шевелится. Похоже, стоит вампиру прикоснуться к жертве, как ее парализует. Крылья смыкаются и наступает полная тишина. Только зубы скрежещут о кости. Отвратительно! Ужасно! Но в Германии я стану знаменит. *В Германии с моим Вампиром?*

Я очень слаб. Он опять порвал путы. Хорошо, что это случилось днем – когда он слеп. Его огромные глаза ничего не видят при солнечном свете. Я столько претерпел! Эта черная лихорадка! и это ужасное существо! Я сейчас слишком слаб, и мне не удастся убить его, даже если я захочу. Я должен добраться до дома живым. Скоро – конечно же, скоро – река закончится. О Боже! неужели она никогда не достигнет моря, белых людей, дома? Если он нападет, я удавлю его. Если почувствую, что умираю – удавлю его. Если нам не суждено живыми попасть в Германию, умрем мы оба. Я удушу его своими руками, я зубами разорву его ужасную шею, и наши кости останутся лежать на берегу этой проклятой реки».

Вот почти все сохранившиеся записи из дневника профессора. Этого достаточно, чтобы поведать нам о последней трагедии.

Два скелета были найдены рядом на самом краю берега. За минувшие годы наводнения унесли половину каждого. Остальное, сложенное вместе, и образовало скелет человека-ящерицы – головоломку, над которой, если воспользоваться раблезианской фразой, впустую ломали головы ученые мужи из университета Бирундвурст.

Портер Эмерсон Браун
ДИПЛОДОК

Он поднял глаза от газеты.

– Этот вот парень, Бербанк, – удивленно сказал он, – это что-то.

Я кивнул.

– Я так разумею, скоро он кукурузу превратит в бобы, то-то будет сакоташ! – продолжал рассуждать он. – А после яблони скрестит с картоплей – не придется нам ее копать!

– Ничего удивительного тут нет, – заявил я. – Наука каждый день раскрывает перед нами все новые удивительные чудеса.

В ответ на мое банальное замечание он радостно закивал.

– Ну да, – согласился он. – Только вот наука кой-какие чудеса скрывает, и мы о них ни черта не слышим. Взять хотя бы моего приятеля Вертиго Смита.

– Это кто? – с интересом спросил я.

– Вы чего, о нем не слыхали? – осведомился мой собеседник, точно заранее знал ответ.

– Нет, – отвечал я.

– Ну, не вы один, – заметил он. – Куча людей ни черта о нем не знают, и никогда не узнают. А он сто очков вперед даст этому Бербанку. Я б вам порассказал, ежели у вас есть время, – предложил он.

Времени у меня было предостаточно; так я ему и сообщил. После чего он, сделав добрый глоток из стакана, что стоял рядом на столе, вытер тыльной стороной ладони висячие усы и начал свой рассказ:

– Было это в девяносто пятом. Рыскал я, значит, по всей Калифорнии, золотишко искал, да ничего не находил, одни мозоли да жажду. Судьба мне все раздавала паршивые карты, и наконец остался у меня один мул, груженный лопатой, да одежда, что на мне. Лопату с одежками я оставил потому, что никому не мог их всучить, а мула – *ž* – ним расстаться.

И вот раз скачу я себе потихоньку с отчаяньем в сердце, в животе и того меньше, и думаю себе, хватит ли на муле мяса, чтобы оплатить починку зубов, которые я уж точно об эту скелетину обломаю, и тут вдруг дорога сворачивает

и вижу я пред собою очень растительную долину, а листва такая густая, что и представить нельзя.

Посреди долины стоит роскошный особняк, а рядом самая удивительная куча сараев и хибар. Были там высокие, и низкие, и большие, и маленькие. А вместе с тем домом, похоже это все на куру-кохинку с выводком самых разных цыпляток, какие только бывают.

Короче, я человек не привиредливый. «Где костер, там и бобы», – говорю я себе. А ежели кто желает поганить распрекрасный лик Природы кучей дешевых каменных лацуг, так не мое это дело, лишь бы покормили. «Давай-ка пошевеливайся, Геенна», – говорю я мулу; и мы резво направляемся в означенную листовенную долину.

На полпути с холма дорога опять сворачивает. Только мы повернули, как я застыл, а мул и того лучше – сделал кувырок назад и стоит там, как вкопанный, даже глазом моргнуть боится.

А мне и одного взгляда хватило. Глянул и все пытаюсь мозги поставить на место.

Передо мной благодворно разгуливает по долине самое кошмарное сборище зверья, что хоть раз резвилось в припадке белой горячки. Все точно выползли из психопетической клиники. Да что там! Четырехногие твари с крыльями, двухногие без крыльев, волосатые птицы и рыбы с ногами – Господи помилуй! Как завидишь такое, хочется обвешаться с ног до головы синими бантиками и навеки поселиться в подвале штаба Женской лиги христианской трезвости.

Глаза мои выкатились, что твои помидоры. Смотрю я на зверье, покуда оно не скрылось, а после поворачиваюсь к мулу. А тот стоит себе весь задумчивый и сам с собой разговаривает.

– Ладно, Геенна, – говорю я и чуток трогаю его шпорами. – Тронемся-ка к вон той вилле и положим конец разгулу голодания. Ежели нам сегодня такое привиделось, так завтра, глядишь, мы с тобою заодно решим повеситься, а не то жучков каких станем искать друг у дружки в голове.

Бедный Геенна берет себя в руки и мы, содрогаясь от ужасного страха, направляемся к вилле. А она выстроена из эдисонова цемента, который будто вылили из рожка для мороженого, покуда он не застыл.

Как мы приблизились к меньшим домам, о каких я раньше упоминал, вижу я, что не дома это, а всякие загоны да клетки. В одних окна с решетками, в других нету. Одни пустые. Другие полные. Только я решительно гляжу вперед: мне такого не нужно. Как полежишь пару недель да сапоги покидаешь в розовую мидузу с крыльями, в соломенной шляпе, так вызубришь, что любопытство ни к чему хорошему не приведет и лучше внимания на обращать на зоологическую икзотику, покуда она не кусается. Только вот мул, каковой не располагает такой ценной информацией, начинает трястись, точно горожанин на экскурсии в повозке и наконец так охватывается ужасным страхом, что ноги у него не слушаются и мне приходится его нести весь остаток пути. Заворачиваем это мы за угол и видим у двери одного старика – а он учит громадного сома сидеть на задних лапах и просить.

Обратив свои выкатившиеся глаза на новое зрелище, я начинаю потихоньку думать, не привиделся ли мне заодно и Геенна. Дал ему тумака, а он в ответ, да так больно, что я приисполнился несказанной радости.

Улыбаюсь это я старику с глубоким уважением и чувствами солидарности к ближнему.

– Вот это верно, – поощрительно говорю ему я. – Надо извлекать из положения лучшее. Когда их столько, что толку в них стрелять? Посидишь с ними, чуток поиграешься, и тут глядишь, а их бац! – и нету.

– Что это с вами? – говорит старик эдак раздражительно.

– Сам не знаю, – говорю я старику, – то ли спинная колика меня донимает, то ли желудочная. А только я вам вот что скажу, приличной еды я не видел так давно, что позабыл, как пахнет луковица.

– Лежать, Люси, – говорит старик сому, и указанное саздание удобно устраивается и кладет голову между передними лапами, а старик поднимается на ноги. – Идемте, – говорит, – в дом, посмотрим, найдется ли для вас что-нибудь перекусить.

Я беру за компанию подмышку Геенну и следую за стариком.

Старик задумчиво за мной наблюдает, пока я запихиваю в свое измаженное тело доллара на четыре свинины, бобов и бисквитов.

– Надеюсь, мои питомцы вас не испугали, – наконец извиняющимся тоном произносит он и расчесывает пальцами бакенбарды.

– Атнюдь нет, – вежливо отвечаю я. – У меня они тоже несколько раз бывали. Неприятно, но не страшно. Ежели будете просыхать постепенно, скажем, для начала урежете полпинты в день, а там и строже – удивитесь, как быстро вы от них избавитесь.

Он отмахивается от моих доброжелательных предложений нетерпеливым махом руки, наклоняется и поднимает с пола длинную голубую змею с зелеными крыльями и тремя парами ног.

– Видите вот это? – спрашивает.

– Вижу, – отвечаю. – А еще в первый раз вижу, чтобы делири триминс оказался заразным.

– Пощупайте, – говорит он. – Не бойтесь.

Тут я ухмыляюсь.

– Я знаю, – говорю, – и очень хорошо знаю, что ничего там нет. Я сносил три пары сапог и дважды вывихнул плечо, пока не убедился в этой простой истине.

– А вы, – говорит, – попробуйте, – и тычет в меня свою змеюку.

Я смело протягиваю руку и жду, что она пройдет прямо сквозь змею и ударится о стол. Только вот она не проходит. И тут я так заорал, что Геенна бросился под стол, задел мой стул и растянулся на спине.

– Полегче, – говорит старик. – Они не опасны.

– Ну да! – говорю я ему не очень-то вежливо. – Это-то мне известно. Обман доверия, вот что мне не по душе.

А сам отступаю шага на три, готовясь спастись бегством.

– Садитесь же, отведайте пирога с черносливом, – говорит он.

В той ситуации, надобно сказать, я бы за кусок пирога, с черносливом или без, с радостью уселся бы посреди стада грифонов и горгулий. Сажусь. И старик, отрезав мне ломоть сочной жратвы, упомянутой выше, опять садится напротив.

– Я, – говорит он внушительно, отпускает змею и вынимает из кармана жилетки саздание, похожее на мекроба оспы, увеличенного в миллион раз, – я Вертиго Смит.

– Неудивительно, – говорю. – Имя наследственное или благоприобретенное?

– Им наделили меня родители, – отвечает он, – люди добропорядочные, но к несчастью неграмотные. Они вычитали это слово в альманахе, решили, что оно красиво звучит, и дали мне такое имя.

Он продолжает:

– Я, – говорит, – второй Бербанк. Точнее, Бербанк – это второй я. Он занимается лишенными чувств и разума предметами, вроде цветов, деревьев, фруктов и поленьев, и прочими бесплодными и жалкими благоглупостями, я же по-

свящаю свои неустанные усилия и безграничный гений животному царству. Они, – тут он беззаботно машет рукой на змею и мекроба оспы, – представляют собой некоторые мои эксперименты. Это, – продолжает он и ласково поглаживает мекроба, – есть результат смешивания крови скорпиона с кровью таракана, и нового смешивания этой комбенации с тарантулом, а через некоторое время я намериваюсь наделить это чудное маленькое создание нюхом и плотью гончей, и наконец моего культивированого носорога, а затем льва, тигра, леопарда, гризли, гремучей змеи, ядозуба и пантеры.

– Хорошенький у вас выйдет питомец, когда вы закончите, – замечаю я. – Самое то на замену комнатным собачкам.

Он игнорирует мое неуместное остроумие.

– То будет великий вклад в зоологию, – заявляет он.

– И большая потеря для антропологии, – добавляю я.

– Кроме того, из него получится отличный сторожевой пес, – говорит он.

– Тут вы правы, – отвечаю я. – Вор сразу наложит в штаны, не сомневайтесь.

– В числе других моих любопытных экспериментов, – продолжает он, – имеется гебрид кота и мыши. Но успехом данный эксперимент не увинчался: прежде чем животное достаточно развилось, чтобы понять, чем именно является, оно успело загнать себя до смерти.

– У меня имеется также, – продолжает он, – гебрид лошади и страуса, что дает максимум скорости при минимуме веса. Я нашел, что продажа перьев вполне обеспечивает содержание скакуна и потому оставил новую ботарейку Эдисона, каковую он разрабатывает уже сто лет, далеко позади. А скрещивая шотландского сеттера, корову и жирафа, я получил кроткое, разумное животное, дающее молоко; оно умеет выполнять простые команды, например приносить перчатки или закрывать дверь и, конечно же, окажется очень полезным в сезон сбора вишен.

– Ежели бы вы сумели как-то соединить курицу и метелку для яиц, – предлагаю я, потому как голова у меня

идет кругом от всех его искпериментов, – и подвесили зверюге на шею добрую бутыль, достаточно будет свистнуть, и она прибежит со стаканом гоголь-моголя с ромом, как только вам захочется выпить!

Он не обращает на меня внимания.

– В настоящее время, – говорит, – меня интересуют паразиты. Паразит – это зоологическая протевоположность. Коты – паразиты мышей. Собаки – паразиты кошек.

– Понимаю! – восклицаю я. – Пьяницы – паразиты виски, а банковский крах – паразит денег.

– В общих чертах, – одобряет он, – но мы говорим о фауне. А теперь, – говорит, – возьмем, к примеру, комаров. Вы живете, скажем, в Ной-Джерси, или Пелэм Маноре, или в ином сильно пораженном штате. Вы выходите вечером на площадь и так заняты хлопаньем себя по ногам и шее, что можете истаргать одни ругательства. Но представьте, как было бы чудесно и замечательно, если бы у вас на спинке стула или на ботинках сидели бы, допустим, полдюжины комариных паразитов и мгновенно расправлялись с падле-тающими к вам комарами! А когда наступит ночь, они усядутся у вас на подушке и покончат с любым треклятым мас-

китом, который попытается всадить хабаток вам в кровеносный сасуд!

– Отлично! – согласился я. – Восхитительно!

– Надо думать, – самодовольно заметил он. – Их можно продавать по четвертаку за штуку. Летом они сами обеспечат себя пищей, а зимой впадут в спячку в складках вашей летней одежды; на пропетание им хватит моли и небольшого количества камфары.

– Звучит неплохо, – говорю. – Очень неплохо!

– Так и есть, – говорит он. – Но большие праекты приносят больше денег. А самый большой праект – это дипломдок.

– Чего? – говорю я.

– Диплодок, – говорит он. – Это рептилия, – говорит, – или млекопитающее, или рыба, или птица, или что-то в таком роде. Я и сам не знаю. Но дознаюсь во что бы то ни стало. Эндрю Карнеги недавно приобрел скелет за двадцать или за пятьдесят тысяч долларов, что-то в таком роде. Если уж скелет сколько стоит, то готовый дипломдок должен стоить миллион. Итак, – внушительно заявляет он, – я собираюсь вырастить стадо дипломдочков для продажи в стране и икспертной торговли. Когда я сумею заставить их размножаться, мой годовой доход составит, я полагаю, двадцать или тридцать миллионов. На первых порах я стану действовать медленно и тайно, продавая потихоньку чучела в музеи естественной истории. Потом расширю дело и охвачу зоологические сады и бродячие зверинцы. А когда спрос насытится, буду продавать дипломдочков в качестве домашних животных. Они смогут отлично перевозить дома или тащить баржи по рекам.

Короче, этому старому джентльмену я очень понравился, и он мне тоже. Так что, когда он предложил мне работу по уходу за его искпериментами, я принял его предложение и поселился с ним на той мороженной вилле. Сначала я побаивался, но после привык, точно всю жизнь провел в психопетической клинике. Геенне тоже там понравилось, и он вовсю гонял с конестраусами и петухуру.

Там было много зверей, которых я даже не видел. Их он держал в огромном загоне за холмом. Там он делал из слонов мастадонтов и мамантов и бегемотов и прочее; был там еще двухногий носорог размером отсюда вон дотуда и еще столько же.

Для диплодока мы отобрали лучших праизводителей. У нас был там один двухногий гиппопотам, сделанный из пингвина, конфетка да и только. И другое саздание, гебрид кенгуру, кита и эму. И так далее, и вот наш тяжкий, крапатлиливый и самаатверженный труд стал приносить плоды, и через несколько лет мы получили что-то очень похожее на нужное животное.

Однажды мы задумчиво глядели на него. Животное уже подросло и могло теперь стоять на ногах, упираясь головой и хвостом в землю.

– Что-то тут не так, – зловеще проговорил старый Смит. – Оно больше похоже на корову, чем на диплодока. В чем дело, как ты полагаешь?

– Ни черта не понимаю, – сказал я. – Оно точно потеряло последнего приятеля, причем этот приятель задолжал ему денег. Вот уж не думаю, что оно способно укусить, даже если положить ему палец в рот и тянуть за хвост.

Старина Смит хлопнул себя рукой по колену с такой силой, что, должно быть, сломал коленную чашечку.

– Ты прав! – воскликнул он. – Оно слишком безвольное, слишком кроткое, покорное, безропотное. Мы вырастили его из послушных и нетарапливых животных – коров, бегемотов и так далее. Нужно придать ему немножко горячности, силы, смышленности, черт возьми! Добавим носорога и дикого слона. Их виличие и стать дадут нам диплодока – правильного диплодока.

– Правильно, – соглашаюсь я. – Здоровая кровь, здоровый двух. А этот печальный абразец тоже пойдет в дело.

Так мы и сделали. Взяли старого дикого слона, такого злобного, что мы и подойти к нему боялись без подъемной стрелы и динамита, к нему добавили носорога, приражденного мезантропа и настоящего бойца, который с места ки-

дался в схватку, потом взяли семейное дерево нашего диплодока и подмешали их в нужных местах.

Можете представить, как мы были взволнованы, ожидая результата. Нашего первого диплодока никто бы не назвал тихоней. Пришлось построить для него специальный хлев, громадный, что твой цирковой шатер; минут десять уходило на то, чтобы обойти его кругом, а с самой высокой лестницы мы не доставали до его холки. Второй должен был стать шидевром. Старина Смит клялся, что ни цента не сбросит с пятисот тысяч, и то после того, как диплодок наполнит долину потомством.

Что скажу, он был прав. Второй диплодок увинчал и даже превзошел все наши надежды. Он был такой огромный, что рядом с его скелетом кости, купленные стариком Карнеги, показались бы рингеновским снимком вешалки. Он возвышался над своей матерью, как небоскреб Зингера над подземкой.

Сказать, что мы с Вертиго были счастливы – значит ничего не сказать. Мы купались в радости. Мы прямо-таки с ног до головы сочились счастьем и все утро, взявшись за

руки, танцевали вокруг нового диплодока. Мы точно водили хоровод в уневерсальном магазине.

День за днем мы смотрели, как наше саздание равевается и растет физически и духовно. Большие животные обычно медленно достигают зрелости. Но нашего диплодока это не касалось. Меньше чем через неделю он смог сам вставать на ноги. Через три месяца мы отлучили его от матери. А потом нам с Вертиго пришлось по четырнадцать часов в сутки таскать провизию, чтобы наши диплодоки не померли с голоду.

Адская была работенка – кормить этих зверюг. Где-то среди их предков затесалась собака, и от нее новый диплодок взял привычку вилять хвостом; старый был для этого слабоват. Однажды Ровер – так мы называли нашего малыша – в благодарность за две вязанки сена снес угол дома. В другой раз он порушил парочку громадных секвой и апельсиновое дерево. Апельсины мы потом находили мили за четыре от того места.

Месяцев шесть все шло хорошо. Мы с Вертиго были счастливы, точно котята у миски с молоком. Ровер рос не по дням, а по часам. Ни единое облако не омрачало наших горизонтов. Мы купались в лучах радости и не променялись бы с самим царем всей Рации и некоторых русских.

Вот так оно всегда бывает. Я уж давно заметил. Поначалу все спокойно, а потом случается какая-нибудь гадость и хрясь тебя, где больнее. Все идет, как по маслу, ты сам себе нравишься, доволен и счастлив, начинаешь верить, что фортуна повернулась к тебе лицом – глядь, а гадость уже на пороге.

Наша тоже пришла. Заявилась ночью. Вот так оно чаще всего и бывает.

Только я перевернулся на другой бок и второй раз погрузился в абьятия Марфея, как раздался адский грохот. Прямо конец света!

Я проснулся и пнул Вертиго.

– Ты храпишь, – крикнул я ему в ухо.

Тут грохот раздался снова и я понял, что ошибся. А через минуту получил еще одно даказательство: дом куда-то

исчез и я очутился под открытым небом. Лежу, смотрю на звезды и думаю, что случилось.

И тогда все точно взорвалось. Кругом начался дикий, нестройный вой. Секвойи падали, как рожь под жаткой, весь наш зверинец устроил концерт – вот только из визг казался слабым и жалким по сравнению с тем грохотом.

Тогда меня осинило. Ровер! Мы взяли слишком много слоновьей и носорожьей крови. В своей поспешности мы забыли об осторожности. Увы! Сколь справедливо сказано, что небрежная работа чревата наказанием!

Лежу, значит, в калифорнийской ночи и своим рабочем камбинеzone и думаю обо всем этом, и тут диплодок, который как раз почти что покончил с нашими петухокунями в курятнике, замечает меня.

Он дико мотает головой, издает страшный рык и забрасывает последнего петухокуня куда-то на Кассиопею. И бросается на меня.

Мне понадобилось меньше доли секунды, чтобы вскочить с кровати. Вертиго, вижу, стоит посреди бывшей комнаты, расчесывает сапогом бакенбарды и бессмысленно глядит по сторонам.

– Конестраусы! – кричу я ему, пробегая мимо.

Умному и совет пригодится, знаете ли. А он становился с каждой минутой умнее.

Загон явил мне печальное зрелище. Ровер сравнял его с землей. Из всех странных сазданий великого гения Вертиго в живых остался только один конестраус. Даже мамаша-диплодок пала жертвой трагедии.

Я схватил конестрауса за крыло, Вертиго за другое. Мы вскочили ему на спину – я оказался спереди – и вонзили каблуки ему в бока. Благородный скакун заржал и помчался по долине со скоростью, которой позавидовал бы курьерский поезд.

Думаете, диплодок отстал? Чтоб мне провалиться! Он все время лязгал зубами в футах от хвостовых перьев нашего скакуна. Покуда мы мчались по развалинам нашего безмятежного дома, он все нагонял, издавая с каждым прыжком лидинящее кровь повизгивание; то и дело кенгуриная

кровь давала о себе знать, и он опускал хвост, отталкивался от земли и пролетал в воздухе добрые футов девяносто...

Я часто вспоминаю ту скачку, особенно перед сном, поужинав свинными ножками и мороженым или мясным пудингом и грёнками по-уэльски. Часто в безмолвные ночные часы я пробуждаю весь дом дикими воплями, и испуганные жильцы, ворвавшись в мою комнату, обнаруживают меня верхом на батарее отопления, каковую подгоняю я в бешеном беге, в то время как холодный пот струится по моему бледному лицу самнамбулы!

Промелькнуло устье долины; ужасное завывание раздавалось все ближе и ближе. Я не решался обернуться. Мы делали не меньше трех миль в минуту, и все мои силы уходили на то, чтобы удержаться на спине скакуна.

Я обнял за шею верного конестрауса. Мы скакали все дальше и дальше... Над ухом раздался пронзительный крик. Рука Вертиго внезапно соскользнула у меня с пояса. Наш скакун (увы, теперь уже не наш, только мой) помчался быстрее, и я понял, что Вертиго больше нет. Бедный Вертиго!.. Бедный, бедный Вертиго! Его нашли три дня спус-

тя в Сан-Антонио, в Техасе, где при виде его тела в ужасе разбежалось вдохновенное церковное собрание...

Через пятьдесят или семьдесят пять миль я почувствовал, что диплодок снова нагоняет. Я быстро обернулся. Да, вот он: ощеренные, блестящие зубы скрежещут менее чем в ярде от меня, маленькие глазки ядовито поблескивают. Он попытался схватить меня – и промахнулся. Еще раз – и несчастный мой конестраус вдруг исчез, а я оказался в воздухе.

Я упал в небольшую дыру в земле, которая оказалась одним из туннелей Мамонтовой пещеры. Здесь был ток свежего воздуха, а диплодок не смог пробраться в узкую дыру. Только это спасло мне жизнь.

Три недели я питался одной рыбой. Рыбы в пещере были слепы, но их нелегко оказалось поймать и еще труднее съесть. Наконец меня обнаружил проводник, который вел по самым доступным коридорам чудесной скважины экскурсию школьных учителей из Бебе, штат Индиана. Изможденный, в горячечном бреду, я сидел на сталагмите со слепым головастиком в каждой руке и что-то еле слышно напевал. Таким, говорят, нашли они меня. Но мне о том ничего не известно, ибо еще несколько недель я боролся с безумием.

Он замолчал.

– Вы больше не возвращались в долину? – спросил я.

Он бросил на меня невыразимо презрительный взгляд.

– Возвращался! – повторил он. – Возвращался ли я!

И затем:

– Да за кого ты меня принимаешь, парень?

Я не ответил. Это было бы невежливо. Кроме того, он был куда сильнее меня.

Мэнли Уэйд Уэллман

ВО ТЬМЕ ВЕКОВ

Рисунки Н. Николаева

Он показался сначала угрозой, упавшей прямо с неба в вихре огня; он зарылся в землю между двумя отрядами воинов. Воины были вооружены каменными топорами, и между ними шла кровавая битва.

Эта битва была результатом внезапно возникшего тщеславия Джомы Рыболова, вождя племени, которое жило и охотилось на морском побережье. Джома вообразил себя непобедимым вождем грозной общины воинов. Он отправил посла за лесистые холмы на северо-запад известить маленькое селение о том, что требует немедленно дани. Он желал получить в свои руки образцы нового оружия. Это оружие создал вождь селения и назвал его луком.

Но селение принадлежало племени воинственных кремневики, а их вождем был Хок Могучий, не почитавший никого, кроме Сияющего Солнца, которому поклонялись кремневики. Сидя среди глинобитных хижин своего селения, на пороге пещеры, Хок, выслушав требования посла, улыбнулся в свою солнечного цвета бороду. Потом он позволил мальчикам выгнать чужака палками и камнями. В надлежащее время посол дохромал до своего поселка, и Джома повел своих бойцов – их было свыше сотни – взять луки силой.

Предупрежденный разведчиками, Хок во главе шестидесяти сильных воинов ночью направился к холму, мимо

которого должны были пройти нападавшие. Джоме думал захватить кремневики врасплох, около их утренних костров. Но при первом же проблеске серой, осенней зари он наткнулся на целый отряд воинов, загорелых и бородатых, одетых в львиные, волчьи и медвежьи шкуры, готовых стрелять из лука или поражать топором.

А впереди этого отряда шагал сам Хок, и был он выше и крупнее любого воина. Вокруг его мощного стана обвивалась шкура пещерного льва, на ногах были сапоги из бычьей шкуры. На голове у него красовались крылья сокола; в одной руке он держал лук со стрелой на тетиве, в другой – боевой топор с лезвием из кремня, который он высоко подбрасывал и ловил на ходу, как палочку.

– Эй, чужаки, рыбоеды! – прогремел он. – Что вам здесь нужно?

– Те штуки, что вы называете луками, – быстро ответил Джоме.

Он тоже вышел вперед и казался почти таким же огромным, как Хок. Солнечный свет над водой давно уже обжег его кожу до цвета бурых камней на равнине, а его черная борода волной сбегала на широкую голую грудь. В руках он держал пику толщиной в кисть своей руки.

– Я посылал за ними человека, – продолжал Джоме, – но...

Хок засмеялся:

– А не чешется ли еще у этого человека спина от той трепки, какую ему задали наши люди? Мы не отдаем ничего, когда нам приказывают. Приди и возьми луки, если можешь, Джоме Рыболов. Но, я думаю, ты получишь кое-что другое.

Джоме зарычал, и его воины кинулись вперед. Хок тоже отдал приказ, и кремневики подняли свои луки. Атака была встречена дождем стрел, бивших без промаха. Нападавшие заколебались, в то время как их противники проворно наложили на тетивы новые стрелы. Разве могли каменные топоры спорить с луками? Второй залп мог бы превратить атаку Джомы в бегство.

Но тут с небес упало это огненное нечто, осветившее туманный небосвод ярким полуденным светом, упало прямо на тот холм, который защищали люди Хока и куда рвался отряд Джомы. Оно упало туда, где из земли выступал какой-то мягкий черный камень.

...Когда метеорит упал, обе враждующие толпы – и обороняющиеся кремневики и нападающие рыболовы – разом издали вопль удивления и ужаса и повалились ничком на землю. Один только Хок, стоявший впереди своего войска, остался на ногах. Земля затряслась под ним, как вершина дерева во время урагана, и в тот же миг кусок мягкого черного камня с силой ударил его в лицо, и он, казалось, улетел в пустоту, такую же черную, как и сам камень.

*

Когда сознание вернулось к Хоку, солнце уже стояло высоко и он был один. Очевидно, битва откатилась дальше. Он видел вокруг только мертвых. Было очень жарко; эта жара и привела его в себя. Казалось, что земля поблизости горит, а утренний ветер раздувает огонь и гонит прямо к нему.

Мигая и фыркая, Хок поднялся. Голова у него болела от полученного удара, но он получал удары и раньше и относился к боли с презрением. Он огляделся, снова удивляясь, куда ушла битва. Рядом с ним лежали его собственные лук и топор. Очевидно, его сторона восторжествовала, иначе он наверняка был бы убит и ограблен, пока лежал без сознания. Отбросив поэтому всякую тревогу, он вернулся к странному огню.

Огонь наполнял трещину в склоне холма, где раньше выходил на поверхность слой черного камня, теперь расколотый словно ударом могучего топора. Ветерок раздувал пламя. Хок подошел ближе, насколько позволял обжигающий воздух, и в самом сердце пламени увидел предмет, упавший с неба. Это был раскаленный круглый кусок, крупнее головы Хока.

«Это бросил Сияющий, – подумал Хок. – Оно упало с неба, из его жилища».

Хок наклонился, поднял кусок черного камня и осторожно бросил его в огонь, поближе к раскаленному куску.

Ему показалось, что черный камень исчез мгновенно.

«Э! Оно ест черные камни!» – подумал Хок.

В нескольких шагах от огня, ниже по склону, виднелась глыба черного камня. Спустившись туда, Хок отбил несколько больших кусков и взял их в охапку. Его грудь и руки стали черными, но он донес свою ношу до огня и швырнул туда.

– Хок – твой друг, – сказал он. – Я принесу тебе столько черного камня, сколько ты захочешь.

Снова и снова он носил куски черного камня, выламывая их своими огромными руками или отбивая рукояткой топора. Он навалил высокую черную гору, заглушив ею огонь. Получилась пирамида высотой ему по грудь и шириной больше чем в три его шага. «Этого ему будет довольно», – решил он.

Но он ошибся. Послышались треск и шипение, между более крупными кусками показались языки пламени. Пока Хок смотрел, пораженный и очарованный, вся гора вдруг превратилась в ревущий огненный столб. Он был вынужден отступить.

Потом пошел дождь – короткий, но очень сильный. Огонь, выгорев, погас. Хок подошел ближе, скользя по грязи.

– Где же дар Сияющего? – спросил он у дымящейся золы.

Он начал разгребать ее концом топора.

В золе мелькнуло что-то блестящее, как вода, но твердое, как лед, хотя оно было горячим. Заворчав от удивления, Хок быстро разгреб золу в сторону.

Метеорит, упавший прямо на выступающий из земли пласт каменного угля и вызвавший пожар, превратился теперь в иззубренный кусок сплавленного шлака. Из него торчало что-то длинное, узкое, прямое, как спящая змея. Оно было еще горячим, и Хоку пришлось завернуть его в край львиной шкуры; оно было шириной в три пальца и гораздо длиннее руки, суживалось к концу в острие и было

гораздо тверже всякого кремня. И при всей его твердости, в нем была упругость, какой никогда не бывало ни у одного камня. Держа его за широкий, завернутый в шкуру конец, Хок взвесил его на руке.

– Да ведь это – оружие! – воскликнул он.

*

Хок нес свою находку к селению, внимательно рассматривая ее взглядом мастера. По обоим краям ее уже были намечены острые грани, острее лучшего из его каменных лезвий, а кончик был тоньше, чем у любого каменного ножа. Хок попробовал обработать свою находку, как привык

это делать со своими кремнями: оббил ее тяжелым каменным молотком. Она зазвенела еще неслыханным звуком, но не треснула. Хок начал смачивать и тереть лезвие и от этого края его стали острее. Работая таким образом,

Хок шел к своему селению, и когда к вечеру достиг его, лезвие было готово по его вкусу – с острым концом, с режущим краем и с рукояткой на широком конце, плотно обмотанной сыромятными ремнями, вырезанными из львиной кожи.

Он ухмылялся и хихикал, глядя на эту вещь. Прежде всего он покажет ее Олоане, своей жене, всегда разделявшей с ним его радости и удачи. Ее глаза засияют, как звезды, при виде новинки! А потом он позволит белокурому Птао, своему сыну, попробовать поднять эту штуку.

– Хок! Хок!

Навстречу ему от селения бежал его брат Жик, младший вождь.

– Ты жив?! – задыхаясь воскликнул он.

– Конечно, – сказал Хок, кладя для удобства свой меч поперек руки. – Как шла битва после того, как меня сбило? Многих ли рыболовов вы убили, прежде чем они бежали?

– Бежали... – повторил Жик, покачав своей темноволосой головой. – Они не бежали, Хок. Бежали мы.

Хок выпрямился, сверкнув глазами и оскалив зубы.

– Бежали! Как это было, Жик?

Его брат беспомощно протянул руки.

– Эта штука, что упала и сбила тебя... Она упала на нас...

Хок схватил брата за руку, чтобы успокоить его.

– Что же случилось, Жик? Говори яснее и короче.

– Мы испугались... Рыболовы закричали, что за них сражаются духи, и кинулись на нас. Они оттеснили нас. Все думали, что ты убит, что сам Сияющий потребовал твою жизнь...

– Но я жив, – снова уверил его Хок. – Ну, а потом что?

– Мы бежали, думая, что Сияющий прогневался на нас. Но Олоана, когда мы сказали ей, решила идти искать твой труп, – Жик сокрушенно покачал головой. – Мы удерживали ее, она пошла, она и Птао, твой сын.

Хоку вдруг стало холодно, словно его опять облило ливнем. Он почувствовал, что услышит еще худшие вести.

– Почему же я не встретил их? – спросил он. Жик сделал жалобную гримасу.

– Рыболовы преследовали нас, подбирая луки, брошенные нашими ранеными. Они встретили Олоану и Птао и увели их в свое селение на берегу.

Огромная рука Хока сжалась на обмотанной ремнями рукоятке меча.

– Они увели Олоану и Птао, – повторил он. – И никто не посмел остановить их, – даже ты, мой брат?

– Мы думали, что это воля Сияющего. Мы не знали, что ты жив... – Жик прервал себя и положил руку на плечо брата. – Идем в селение. Поешь и отдохни. Мы соберем оставшихся воинов. Когда они увидят, что ты жив, они пойдут.

– Никогда. Вернись и скажи, что я один погнался за Джомой и его трусливыми рыболовами, – Хок взмахнул мечом, сверкнувшим в лучах солнца, и закружил его над головой, украшенной крыльями сокола.

– Сияющий дал мне это! – воскликнул он. – Мне не нужно ничьей помощи. Дар Сияющего прорубит мне дорогу между рыболовами и вернет то, что я потерял!

Он повернулся и побежал по равнине, ища следы врага.

*

Шанг, огромный пещерный медведь, жадно нюхал воздух. Первое холодное дыхание осени, окрасившее чащи в бурый, желтый и алый цвета, уже коснулось Шанга. Он ел орехи, накапливая жир под своей толстой шкурой – запас на зиму. Мясо человека было бы для Шанга приятным лакомством. Но люди были вооружены и шли близко друг за другом. Шанг издали следил за ними, спрятавшись в кустах. Это были смуглые бородатые мужчины. Они вели связанную женщину и мальчика. У Шанга потекли слюнки при виде мальчика, но он не посмел напасть на толпу. Он пропустил отряд мимо, глядя ему вслед с мрачным сожалением.

Вскоре он опять почуял человека, а потом и увидел его. Отставший от отряда? Нет, он не походил на тех, что уже прошли. Этот был высокий, белокурый, румяный человек,

и глаза его были прикованы к следам отряда. Шанг, мудрый в своей животной проницательности, понял, что это сильный и отважный воин. Но Шанг не боялся одиноких людей, даже таких огромных и сильных, как этот. Он подождал, пока одинокий путник подошел достаточно близко к его засаде, и тогда с оглушительным ревом прыгнул.

Хок кинул быстрый взгляд на зверя – лохматое чудовище, величиной почти с бизона, с открытой красной пастью, способное мгновенно раздробить ему голову. Он быстро отскочил в сторону. Пока Шанг, промахнувшись, поворачивался для другого прыжка, Хок кинулся к ближайшему дереву и вскарабкался на развилину.

Рыча и ворча, Шанг поднялся во весь свой колоссальный рост – в полтора раза выше человека – и острыми, как ножи, когтями начал царапать и рвать кору с дерева. Но он не мог влезть за Хоком, как это сделал бы менее крупный и более подвижный медведь. Он ходил кругом дерева, размахивая страшными лапами.

Хок поглядел на него, потом в ту сторону, куда отряд рыболовов уводил Олоану и Птао. Сам он был в безопасности – свирепый зверь не мог достать его, но только до тех пор, пока Хок оставался на дереве. Долго ли ему тут сидеть? Много может случиться за это время...

Наклонившись, Хок обратился к медведю:

– Эй, Шанг, ты хочешь съесть меня? А что, если я спущусь поспорить с тобой? – он повертел мечом. – Я только человек, но Сияющий дал мне зуб не хуже твоих. Эй, – крикнул он опять, – я не буду больше ждать, готовься драться за свой обед, Шанг!

Он размахнулся, и острый меч отрубил ветку с такой легкостью, словно это была травинка. Хок одобритительно заворчал и вдруг, размахивая мечом и веткой, спрыгнул с дерева, став прямо на ноги.

Словно поняв вызов, Шаг снова поднялся на задние лапы. Огромный, неповоротливый, он двинулся вперед, чтобы уничтожить наглое существо. Хок засмеялся, как всегда перед лицом смертельной опасности, и вытянул меч.

Шанг наткнулся на блестящую вещь, которую протягивал человек. Ему уже приходилось встречаться с оружием, и он умел разбивать деревянные рукоятки в щепы, прежде чем напасть на обезоруженного охотника. Но сейчас, едва он дотронулся до железа, как мгновенно с воплем отдернул переднюю лапу. Лезвие, искусно отточенное Хоком, раскроило медвежью лапу до кости.

– Ты пробуешь дар Сияющего? Да? – подразнил его Хок.
– Попробуй теперь другой лапой.

Рана не остановила Шанга. Он шагнул ближе, подняв обе лапы, раскрыв дымящуюся пасть. Хок взглянул в это зияющее горло и прыгнул вперед – навстречу огромному зверю. Лево́й рукой он сунул в его раскрытую пасть ветку, яростно вбивая ее в горло. Из груди Шанга вырвался глухой рев, и он вцепился обеими лапами в крепкий березовый сук. Хок, защитившись на миг от удара или укуса, ударил тем, что держал в правой руке.

Блестящее лезвие, быстрое, как жало змеи, пронзило широкую грудь Шанга. Хок изо всей силы дернул меч вверх, выхватил его из раны и отскочил назад. Шанг замер на месте, потом покачнулся и упал, так что земля затряслась под ним.

– Дар Сияющего – великое чудо! – воскликнул Хок. – Какое копьё или топор могли бы уложить Шанга так быстро?

*

Холодная безлунная ночь спустилась на широкий залив океана. Над морем поблескивало множество красных огоньков. Это были вечерние костры селения Джомы, словно плававшие на поверхности тихой воды. На берегу лежала лодка, выдолбленная из целого ствола.

Подойдя к берегу, Хок всматривался в огоньки.

Лодка лежала рядом, но Хок не знал, как пользоваться такими вещами. Он проверил ремни, которыми меч был прикреплен к его поясу, и быстро вошел в воду. Потом бесшумными, мощными толчками он поплыл туда, где были его жена и сын.

С его приближением огоньки поднимались все выше и выше. Теперь они горели в высоте. Подплыв достаточно близко, он увидел, что из волн поднимается что-то черное и угловатое. Остров, очевидно, был скалистым.

Хок поплыл туда, где должен был находиться берег. Но берега не было.

Хок был изумлен. Не заплыл ли он в морскую пещеру? Повернувшись на спину, он начал ощупывать руками справа и слева. Пещера оказалась очень обширной. Он повернулся на бок и столкнулся с чем-то деревянным, — по-видимому, с выросшим здесь стволом дерева. Озадаченный, он осторожно приподнялся и взобрался на ствол, хватаясь за обломки сучьев. Подняв руки, он ощупал над собой дерево — прочную деревянную кровлю. Да, это была пещера, но пещера деревянная и с водяным полом. Хок осторожно соскользнул вниз и поплыл обратно.

Он начал огибать селение, стараясь определить, на чем оно расположено, если не на острове. Сначала он видел только похожие на утес выступы, закрывавшие от него свет звезд и огня. Потом в одном месте он увидел хижину. На пороге ее горел костер, а вокруг сидели люди, беседуя между собой. Хок лежал на самой поверхности воды, и при свете костра ему удалось разгадать тайну.

Остров был сделан из дерева. Сделан руками людей Джо-мы. Из дна залива торчали деревянные стволы, на развилки которых были настланы плотообразные переплеты. Они, в свою очередь, поддерживали плотный деревянный настил из расщепленных вдоль бревен, положенных плоской стороной вверх. Все это было перевязано широкими полосами сыромятной кожи, высушенной так, что она стала твердой, как камень. На этой платформе стояли обмазанные глиной плетеные хижины с такими же тростниковыми крышами, как в том селении, стоявшем на твердой земле, где жил Хок.

Хоку захотелось ближе рассмотреть это странное сооружение. Он нырнул и подплыл к основанию одного из столбов. У столба не было корней в морском дне; он был вбит туда и укреплен насыпанной вокруг него кучкой камней. Поперечины, связанные с другими столбами, укрепляли его еще больше. Хок проплыл вокруг всего селения рыболовов. Он увидел, что все оно построено по тому же образцу, – сотни больших стволов, с трудом срубленных на берегу каменными топорами, затем сплавленных по воде к этому месту и поставленных стоймя в заранее определенном пункте. Потом на этот искусственный морской лес была поставлена плетеная и скрепленная ремнями платформа. Хок восхищенно покачал своей мокрой головой. Такая работа потребовала больших усилий и искусства. Она должна была занять много лет, может быть поколений. Когда она была завершена, у рыболовов оказалась почти неприступная крепость. Здесь они могли жить в безопасности, защищенные морем, дававшим им чешуйчатую добычу.

...Близ берега часть платформы спускалась почти к самой воде. Вокруг нее было привязано множество челноков, принадлежащих племени Джомы. Но здесь стояли часовые – человек пять или шесть. Они собрались вокруг огня, пылавшего в очаге из камней и глины. Они увидят Хока, если он вскарабкается сюда, и убьют его раньше, чем он сумеет защититься. Он должен попасть на остров в другом месте.

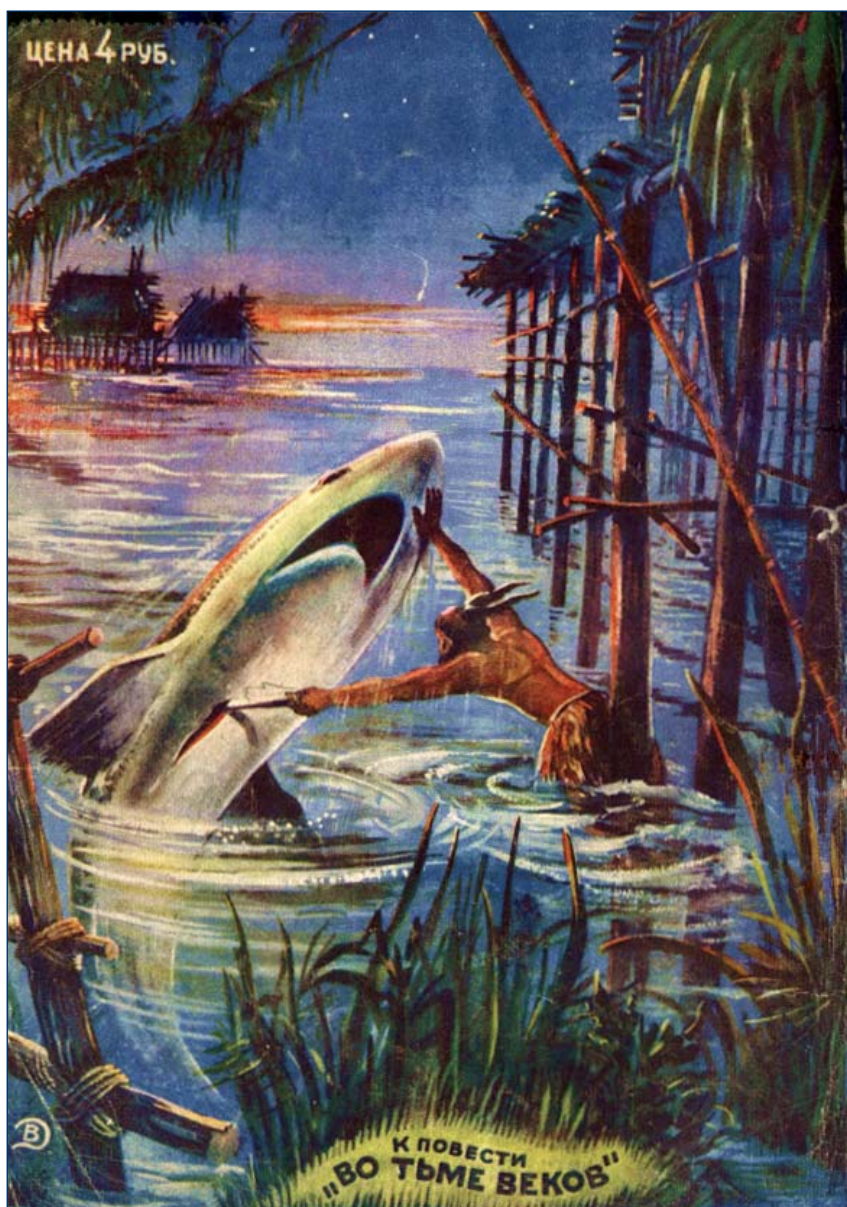
Едва он успел подумать об этом, как что-то большое, быстрое метнулось в воде возле него.

Он отскочил вовремя. Огромная акула, длиною в три его роста, пролетела около него, как стрела, а потом с устрашающей грацией повернулась для нового нападения.

Хок быстро схватил за рукоятку меч и резким движением вырвал его из ременных петель. Акула уже налетала на него, и он спасся от страшных зубов только тем, что оттолкнулся левой ладонью от ее уродливого носа. Одновременно он поднял конец меча, и Дар Сияющего коснулся шершавой серой шкуры. Хок сильно толкнул его вперед. Тотчас же брюхо акулы оказалось распоротым, и Хок с силой отпрыгнул в сторону, налегая на рукоятку и раздирая разрез в чудовищную рану.

ЦЕНА 4 РУБ.

К ПОВЕСТИ
"ВО ТЬМЕ ВЕКОВ"

В

Акула судорожно выпрыгнула из воды, чуть не выдернув рукоятку меча из рук Хока, потом упала снова, с сильным всплеском, и забилась, сорвав своей жесткой шероховатой шкурой кожу ему на плече. Хок быстро поплыл прочь, так как шум стычки привлек внимание стражи на лодочной площадке. С визгом и криками люди выхватывали головы из костра и поднимали их, освещая воду. Они недоуменно показывали друг другу на израненную, истекающую кровью акулу. Хок, укрывшись под более высокой частью платформы, увидел, что место, только что покинутое им, пенится в ужасном водовороте.

Раненую акулу окружили другие – целая стая. Бухта, очевидно, кишела этими хищниками. Их привлекало к селению Джомы множество отбросов, ежедневно сбрасываемых с платформы. Чудом было то, что они до сих пор не тронули Хока. Даже сейчас некоторые из акул, привлеченных запахом свежей крови, повернулись, чтобы преследовать его. Взяв меч в зубы, Хок вскарабкался по одному из столбов, поддерживающих платформу, и уселся на перекладине. Над его головой раздавался громовый, сотрясающий платформу топот: стая морских хищников у лодочной площадки привлекла к себе толпу рыболовов. Они перебегали с места на место, ахали и пялили глаза на чудовищ.

*

Хок оставался на перекладине все время, пока воинственные рыболовы бегали у него над головой, а голодные акулы щелкали челюстями у самых его ног. Наконец платформа перестала сотрясаться. Тогда он схватился за горизонтальную перекладину, подтянулся изо всех сил на руках и ударился головой о платформу. Он быстро выбрался вверх между двумя пустыми хижинами, оглядываясь во все стороны. Эта часть селения была, по-видимому, совершенно пуста. Хок осторожно двинулся между тесно стоящими хижинами, направляясь к самой большой, которая должна была быть жилищем Джомы.

Эту большую хижину составляли несколько маленьких, соединенных крытыми ходами. Получилось несколько комнат, в которых помещались сам вождь, его семья и приближенные. Хок увидел, что у хижины кто-то стоит. Это был сторож, с завистью смотревший в сторону огней и суматохи. Он стоял здесь, конечно, только потому, что получил приказ не отлучаться и сторожить что-то ценное внутри хижины.

Хок почувствовал, что он близок к цели своих поисков. Подкравшись к хижине бесшумно, как тень, он раскрошил сторожу череп мечом и, перешагнув через его труп, вошел в жилище Джомы.

На большом каменном очаге еще горела куча углей, и он пошевелил ее концом меча. Стало светлее, и тотчас же он увидел одно из сокровищ, охранявшихся убитым воином: свои луки, подобранные Джомой на поле битвы три дня назад. Они были связаны в большой сноп — хорошая ноша для сильного человека. Хок вытащил их вон и стал искать на платформе слабо прикрепленный брус настила. Найдя его, он разрезал плетенье, приподнял брус и толкнул всю связку луков в отверстие. Донесся глухой всплеск воды. Теперь ни один рыболов не научится пользоваться захваченным оружием и не сможет сделать новое по его образцу: прилив унесет луки в море.

Но где пленники Джомы?

Он снова вошел в хижину, вглядываясь в полумрак.

— Олоана! — позвал он негромко. — Где ты?

— Хок! — послышался радостный крик.

Одним прыжком он пересек хижину, и удары меча обрушились на плетеную дверь, закрывавшую какой-то вход. Дверь разлетелась в щепы, и из темной дыры выбежали Олоана и Птао. Он обхватил их руками, и все трое прижались друг к другу, смеясь и задыхаясь от радости.

— Я знал, что мой отец придет, — смог наконец выговорить Птао, — я говорил это им обоим — и Джоме и Когго. Они смеялись, но я видел по их глазам, что они боятся.

— Джоме и Когго, — повторил Хок. — Джоме, — кажется, вождь этих рыболовов, но кто такой Когго?

– Сын Джомы, – ответила Олоана. – Он говорил, что возьмет меня в жены. Я поцарапала ему лицо, так что он теперь держится в стороне и клянется усмирить меня.

– Я найду случай поговорить с Джомой, – сказал Хок, – но сначала нам нужно уйти из этого места, где воняет тухлой рыбой.

– Это вам не удастся, – раздался голос позади его.

*

Увлеченный радостью свидания, Хок на время забыл о том остром чувстве настороженности, которым должен обладать каждый охотник и воин, если хочет удачи. Рыболовы опомнились после суматохи, вызванной акулами, и услышали голос Хока в хижине. Вооруженные воины столпились у входа и на платформе. Впереди всех стоял Когго, такой же высокий и широкоплечий, как сам Хок, с широким топором из черного камня в руке; позади него был виден Джома.

– Ты пришел, Хок, – голос Джомы был холоден. – Я думал, что ты мертв, убит своим же богом. Ну, значит, твой Сияющий слабее, чем я думал. Я сделаю это лучше его.

Хок шагнул, загораживая собой Олоану и Птао. Рука его стиснула рукоятку меча.

– Это оружие – дар Сияющего! – вскричал он, и его слова сами были, как удар меча. – Дар Сияющего выпил уже много крови у рыболовов. Он будет пить, как только вы шевельнетесь.

– Хо! – фыркнул Когго. – Я не боюсь этой блестящей штуки, похожей больше на сосульку, чем на копье или палицу. Ты хочешь напугать нас ложью, Хок. Я сам убью тебя, и твоя женщина увидит, что я сильнее тебя и что меня стоит взять в мужья.

Он нагло улыбнулся. Хок обезумел.

– Э-гей!

Меч свистнул в воздухе. Когго не успел увернуться. Лезвие обрушилось, и голова Когго отлетела как сухой сучок.

Секунду еще безголовое тело стояло неподвижно, словно застыв, потом покачнулось и упало.

Хок прервал молчание ликующим боевым кличем и кинулся в гущу врагов.

Удар, удар, еще удар – трое упали почти одновременно, остальные отшатнулись. Не будь дверь такой узкой, часть воинов могла бы выбежать и открыть путь другим. Но их окружали прочные стены из плетня и глины, и они должны были сражаться. Оружие взметнулось со всех сторон.

– Не убивать его! – загремел Джома, укрывшийся в угол. – Взять его живым! Свалить, связать!

Это было легче сказать, чем сделать. Сверкающий меч поражал одного рыболова за другим. Но вот совершенно обезумевший от ужаса юноша слепо кинулся прямо на меч Хока. Лезвие вонзилось ему между ребер, и раньше чем Хок успел вытащить его, остальные кинулись со всех сторон, облепив Хока, как муравьи. Он покачнулся и упал, но мощным усилием поднялся, стряхивая с себя врагов. Олоана испустила предостерегающий крик, но поздно... Джома, подбежав сзади, ударил Хока в голову древком копья. Хок почувствовал, что его охватила тьма.

*

Он очнулся и ощутил, что тело его мокро от водяных капель: он был под открытым небом, и шел дождь. Чуть открыв глаза, он увидел рассвет, просачивающийся сквозь тучи. Вокруг него шептались люди. Хок прислушался к шепоту.

– Когда мы вернулись к месту первой стоянки, – услышал он голос, принадлежавший, по-видимому, молодому воину, – мы увидели под деревом огромного Шанга. Он был мертв. Он лежал в луже крови, и на груди его была рана, в которой мог бы поместиться мой сын. Ни копьем, ни топором такую рану сделать нельзя.

– Это Хок своим даром Сияющего убил Шанга, – восхищенно сказал другой воин.

– Да, никто, кроме Хока, не вышел бы против Шанга один на один, – подтвердил первый.

Чувство гордости охватило Хока. Такое признание из уст врага стоит десятка хвalebных песен друзей. Он жадно слушал шепот людей Джомы.

– И это Хок убил акулу, – снова заговорил первый воин. – Я видел ее труп, волны пригнали его к самому берегу. Хок распорол ей брюхо от пасти до задних плавников. Только новым оружием Хока можно нанести такую рану.

– Он сделал это, находясь в воде, – сказал еще кто-то. – До сих пор не было человека, который отважился бы сразиться с акулой в ее жилище.

– Хок – храбрый и умный воин, – проговорил кто-то старческим, хриплым голосом.

Хок понял, что это голос одного из старейшин племени рыболовов.

– Он один убил за два дня больше наших людей, чем у меня пальцев на руках и ногах, – почти вслух произнес чей-то молодой звонкий голос. – Он придумал луки, а теперь владеет непобедимым даром Сияющего. У Джомы никогда не было такого оружия.

– Молчи! Джома бросит тебя акулам, если услышит твои слова, – сказал старик.

Все замолчали. Хок зашевелился и открыл глаза.

– Смотри, он очнулся, он жив, – прокаркала над ним сморщенная, свирепого вида старуха. – Я думала, что он умер: он лежал без движения так долго.

– Если бы он умер, я бы пожалел об этом, – ответил голос Джомы, показавшегося из-за хижины. – Не такую спокойную смерть готовлю я для него.

Пленник сел. Он был оплетен по рукам, по ногам, вокруг тела десятками тонких ремешков из рыбьей кожи. Рыболовы вынесли его из хижины Джомы и положили на краю бревенчатого настила, под которым плескалось море. Рядом были Олоана и юный Птао, тоже связанные. Оба они смотрели на него с тревогой, но когда Хок очнулся, нашли в себе силы улыбнуться. Хок тоже улыбнулся им, ласково и ободряюще.

Джоме не понравилось это проявление бодрости пленников, он грозно зарычал, чтобы привлечь их внимание. Дождь стекал серебристыми капельками по его черной бороде.

– Ты убил моего сына, Хок, — холодно сказал он.

– Он сам хотел этого, — ответил Хок, напрягая мускулы под своими узами. — Будь я свободен и будь у меня дар Сияющего, я убил бы и тебя тоже.

– Но ты не свободен, — насмешливо возразил Джома. — А что касается той штуки, которую ты называешь даром Сияющего, то она здесь, — он показал на еще окровавленный меч.

Хок напрягся, стараясь разорвать свои ремни. Они затрещали, но не поддались. Дождь хлестал его по лицу и плечам.

– Освободи меня! — крикнул он. — Сразимся честно и тогда увидим, кто из нас сильнее. Я вызываю тебя на битву.

...Это был дерзкий вызов, и он произвел впечатление на столпившихся кругом рыболовов. Они опять начали перешептываться, надеясь, может быть, что вызов будет принят. Почти не скрывая восхищения, они смотрели на Хока и на его меч, лежавший рядом на отшлифованном морем камне. Но Джома уже приготовился к ответу.

– Ты умрешь без надежды на битву, Хок, — сказал он, — тебя бросят связанным с платформы моего селения туда, где вода глубже и где больше всего акул. То, что от тебя останется, приманит рыбу для нас. Но сначала ... — тут его яркие черные глаза обратились на Птао, — сначала ты должен увидеть кое-что.

Хок тоже взглянул на Птао, и страх, которого он не испытывал, думая о своей участи, охватил его, когда он понял, что угрожает мальчику. Джома заметил это и хихикнул от удовольствия.

– Ты убил Когго, моего сына. А я, Хок, убью твоего.

На мгновение Хоку показалось, что черная тьма опять схватит его. Он сделал мощное усилие, чтобы подняться на ноги, но они были связаны в лодыжках и не давали опоры. Огромная молния с треском разрезала небо, дождь хлынул еще гуще и холоднее. Джомы протянул свободную руку, схватил Птао за плечо и швырнул его на камень.

– Джомы, – произнес, задыхаясь, Хок, – перед всем твоим народом я называю тебя самым низким и черным из трусов. Убить мальчика, маленького мальчика, да еще связанного...

– Не говори с ним, отец, – твердым голосом ответил юный Птао, – он для меня меньше, чем змея с ядовитым зубом. Я не боюсь умирать, потому, что мой страх сделал бы его счастливым, – и он бесстрашно улыбнулся Джоме.

– Как он храбр! – сказал один из стражей, не в силах скрыть своего восхищения.

Джомы резко повернулся и посмотрел на своих людей. Они столпились вокруг и с явным сочувствием смотрели на связанных пленников. Задрожав от гнева, Джомы прорычал:

– Смотри хорошенько, Хок! Я убью твоего щенка тем самым оружием, которым ты убил Когго.

И он шагнул к камню, на котором лежал меч.

– Жалкий трус! – воскликнул Хок, извиваясь, напрягая все свои силы в попытке разорвать ремни. – Ты ничего не можешь придумать сам. Ты просто мелкий вор, шакал, подбирающий чужие объедки. Ты хотел украсть луки, которые я придумал для своего народа. Ты украл Олоану и Птао. Теперь ты хочешь украсть дар Сияющего. Ты хуже слизняка, присосавшегося к бревну этого настила.

Рыболовы зашумели и теснее сгрудились вокруг Хока и Джомы, глаза которого налились кровью.

– Бой, пусть решит бой, – слышался голос какого-то рыбака.

Хок узнал одного из тех, кто шептались над ним, когда он лежал, притворяясь бесчувственным.

– Обычай отцов пусть вступит в право. Обычай отцов, – раздались другие голоса.

– Пусть решит бой, кому быть вождем, – сказал старик, и все сразу замолчали, только еще плотнее обступили Джому и Хока.

Джوما понял, что решается его судьба. Сочувствие рыболовов явно склонялось на сторону Хока – смелого, решительного, владеющего новым, никогда не виданным оружием. С ревом бросился Джوما к мечу, торопясь решительным ударом закончить затянувшийся спор.

В тот же момент Хок яростно рванулся и вскочил на ноги. Последнее напряжение мускулов разорвало ремни из рыбьей кожи.

Быстрое движение – и меч оказался у него в руке, закружившись над его головой, как отвердевшее пламя.

– Гей! Я Хок, я бью!

Страшной силой удар обрушился на плечо Джомы. Тело вождя рыболовов распалось на две части, и кровь не успевала стекать в море между бревнами настила. Хок стоял над телом Джомы. Он не заметил, что дождь неожиданно перестал и что солнце, его солнце, сияло в синем утреннем небе.

– Хок, Хок, – закричала Олоана, все еще лежавшая связанной. – Освободи нас, и бежим!

Он поспешил к ней. Лезвие меча легко перерезало ремни, связывающие Олоану и Птао. Все трое повернулись, ища дорогу на берег. Но их плотной стеной обступили рыболовы.

– Не уходи от нас, Хок Могучий! – заговорили они все разом. – Не уноси от нас дар Сияющего. Живи с нами, будь нашим вождем!

Хок увидел, что никто из рыболовов не угрожает ему, Олоане и Птао, и опустил меч, которым взмахнул было, когда им преградили дорогу.

– У меня есть свой народ, и он ждет своего вождя, – проговорил он наконец.

– Остайся с нами, Хок, – сказал, выходя вперед, старик-воин, тело которого было сплошь покрыто шрамами и рубцами – следами былых ран. – Ты научишь нас стрелять из лука и владеть даром Сияющего. А мы построим тебе самую большую хижину на нашем бревенчатом острове. Никакие звери, никакие враги не страшны нам на этом острове, если ты будешь с нами.

Хок заколебался. Он сразу же, попав на этот странный остров, понял все его преимущества. Но сознание долга перед кремневиками удерживало его согласиться на просьбы рыболовов.

Его размышления прервал Птао.

– Оглянись, отец! – воскликнул он, указывая на берег.

Все посмотрели в ту сторону. Из-за кустов, окаймлявших прибрежный лес, выскочила толпа воинов, вооруженных луками, на тетивах которых виднелись оперенные стрелы. Рослый воин бежал впереди всех.

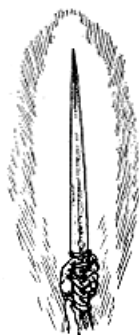
– Это Жик, младший вождь, – сказала Олоана. – Он ведет кремневики на помощь Хоку.

– Хок жив! – закричали кремневики, вскакивая на бревенчатый настил, соединявший берег с островом рыболовов.

Люди Хока хотели броситься на рыболовов. Но Хок остановил их движением руки, в которой блеснул меч.

– Это не враги, это братья, – проговорил он. – Джома убит, и никто не помешает нам соединиться. Мы научим рыболовов бить лесных зверей, они научат нас ловить морских рыб. Наши луки и стрелы, мой дар Сияющего и их бревенчатый остров защитят нас от любых врагов. Мы соединимся, и не будет народа сильнее нас!

Каменные топоры, луки и копья полетели кверху, и деревянный настил зашатался под ногами ликующих кремневики, которые перемешались в победной пляске. Стройная фигурка Птао мелькала между ними. А в стороне, опираясь левой рукой на плечо Олоаны, стоял Хок Могучий, и в приподнятой правой руке его сверкал меч, залитый лучами солнца.

Мор Йокаи

20.000 ЛЕТ СРЕДИ ЛЬДОВ

Рисунки Г. Фитингофа

В честь наших знаменитых путешественников к Северному полюсу было дано в обеих столицах Австро-Венгрии несколько торжественных пиров. На последнем из них один из чествуемых сознался, что на оставленном в полярных льдах корабле «Тегетгофе» был нечаянно покинут матрос по имени Пиетро Талиба, родом венгерец.

Дело произошло следующим образом.

Пожелав поскорее успокоить боль в отмороженных руках и ногах, Пиетро Галиба так обильно натер их наркотическим бальзамом, что заснул в углу брошенного корабля.

К несчастью, на следующее утро корабль, спасший экспедицию, уже двинулся в обратный путь и при перекличке никто не обратил внимания на то, что одним человеком оказалось меньше.

Недостающего матроса хватились лишь на шестой день, но пришли к заключению, что возвращаться назад из-за забытого матроса будет совершенно бесполезно. Ведь в течение пяти суток он неминуемо должен был уже умереть от голода и жажды, так как на корабле не было оставлено никаких припасов. Решили объявить Пиетро Галиба умершим и назначить его вдове пенсию. Так и было сделано по возвращении в отечество.

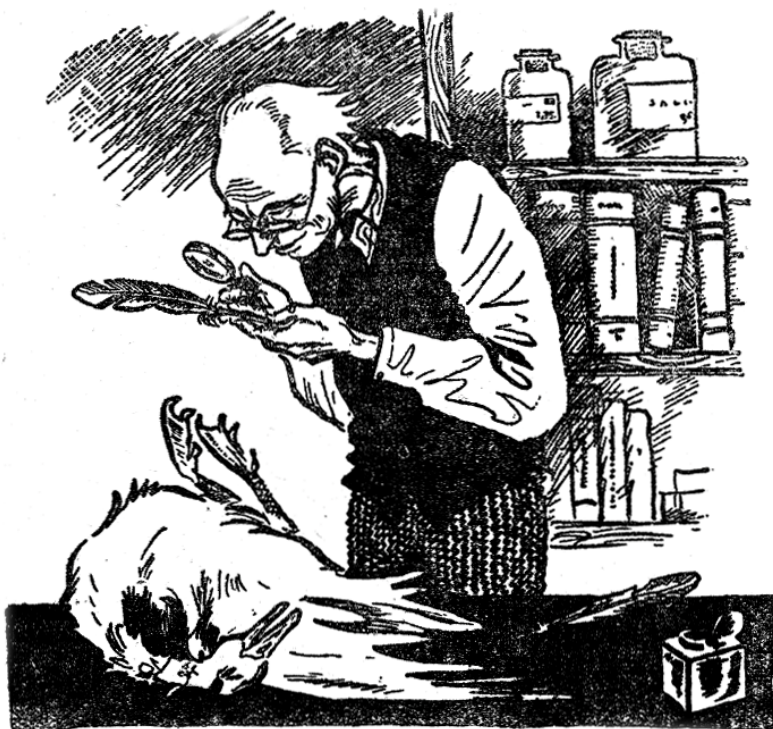
Тем бы казалось и делу конец, но...

Всем известно, что дикие гуси имеют удивительную страсть к путешествиям. Эти пернатые существа шныряют буквально по всему свету, не исключая и обоих полюсов, с чисто гусиным упорством преодолевая всевозможные препятствия.

Недель шесть назад один охотник в Квебекской провинции застрелил дикого гуся. Принявшись ощипывать свою добычу, он очень изумился, заметив, что все хвостовые перья птицы были с двойными стволами. Он снял верхний ствол и увидел в нем тонкую, свернутую трубочкой пленку грязновато-коричневого цвета.

Убежденный, что имеет дело с гусем особого рода, охотник снес его в Квебек и подарил живущему там знаменитому естествоиспытателю доктору Смоллису.

Ученый тотчас же понял, что этот гусь играл роль почтальона и что пленки, находившиеся в верхних, свободно насаженных стволах хвостовых перьев, представляют собою тоненькие листочки коллодиума, покрытые сильно уменьшенными фотографическими снимками с какой-то рукописи.

Доктор Смоллис немедленно воспроизвел эти снимки на белой бумаге, для чего послужил ему солнечный микроскоп, увеличивающий в две тысячи раз. Но кто опишет отчаяние почтенного ученого, когда он открыл, что рукописи были написаны на языке, не похожем ни на один из известных ему языков цивилизованных народов.

Лишь с большим трудом удалось доктору Смоллису найти человека, который за сравнительно громадную плату взялся переписать непонятную рукопись. Один экземпляр этой копии был послан ученому обществу в Калькутте, а другой – обществу языкознания в Рио-де-Жанейро. Но оба эти общества не добились никакого толка от этих бумаг, а потому послали их на рассмотрение ученых академий в Иеддо и в Пекин.

Тут тоже долго возились с загадочными рукописями, но безуспешно. Одни из глубоко ученых языковедов уверяли, что они написаны по-санскритски, а другие утверждали, что это – какое-нибудь иное, еще неизвестное наречие.

Как бы то ни было, но никто не понял ровно ничего из этих бумаг.

Тогда их отправили в Петербургскую академию. Академия решила, что это – язык бисбарива, и передала рукописи в Гельсингфорсскую академию, откуда они в силу родства финского языка с венгерским и были препровождены в Будапешт, в венгерскую академию наук.

Там они будто бы пролежали три года. То есть они пролежали всего месяц, но для придания этому делу большей важности говорили, что, мол, с этими рукописями лучшие светила венгерской науки провозились ровно три года.

Автором этой замечательной рукописи оказался оставленный на Северном полюсе Пиетро Галиба. С его записками мы и имеем честь и удовольствие познакомить читателей.

«Проснувшись, – пишет Пиетро Галиба, – я увидел, что нахожусь один на корабле. Я звал своих товарищей, доктора, капитана, но никто не отвечал мне. Нет более сомнения – я покинут.

В глубоком отчаянии я бродил по всему кораблю, обшаривая все его углы и закоулки, – нигде ни одного сухаря,

ни одной жестянки с мясными консервами, даже ни одной капли вина. Я подвергался двойной опасности: умереть от голода или получить цингу за неимением вина, стало быть – опять-таки смерть.

Кроме того они забрали с собою и все огнестрельное оружие, которым я мог бы защищаться против диких зверей и добыть себе пропитание. Положим, остались пушки, но не могу же я стрелять в медведей из пушек.

Но пожалуй и недурно, что остались пушки, – я выстрелю из них всех по очереди. Может быть, мои товарищи еще не успели отплыть далеко, чтобы не услышать пушечного выстрела. Быть может, они услышат пальбу и возвращаются за мною.

Занятый этой заманчивой мечтой, я вошел в пушечное отделение. Но там ожидал меня сюрприз.

Когда я отворил дверь, меня встретил громадный медведь, – вероятно, он проник на корабль через бойницу. Это была великолепная белая медведица.

Я был совершенно беззащитен и безоружен. Не помня себя, я кинулся в находившийся против меня физический кабинет и поспешно заложил за собою дверь всем, что только попадалось мне под руку.

Но если медведица одним взмахом своей могучей лапы разобьет дверь, тогда я погиб.

А что если применить хлороформ, запасы которого здесь имеются? Только что я успел пропитать большую губку этим опасным усыпительным снадобьем, как медведица уже продавila верхнюю доску двери, просунула в образовавшееся таким образом отверстие громадную голову с оскаленными зубами.

Губка полетела прямо в нос лохматому чудовищу и в то же мгновение медведица лишилась чувств: голова и передние лапы находились по эту сторону двери, а остальное туловище с задним лапами – по другую сторону. Пользуясь ее бесчувственным состоянием, я надел ей на передние лапы две громадные кожаные рукавицы, употреблявшиеся матросами при маневрах.

Теперь она не могла пустить в дело своих когтей – и то хорошо.

Мой опыт удался как нельзя лучше. Когда медведица пришла в себя, она более не напоминала дикого чудовища, каким явилась предо мной. Открыв глаза, она начала потихоньку тявкать, как собака. А когда я подошел к ней, она лизнула мою руку, протянула мне лапу и терлась носом о мое колено.

Я даже не удивился этому. Если можно превратить страшного кабана в ручную свинью, то отчего же нельзя приручить дикого медведя. Я уже предвижу в недалеком будущем, как мой способ укрощения медведей произведет переворот во всем мире. Представляю себе такую картину: ве-

ликолепные медведи стадами пасутся в лесах, а вечером под звуки барабана и флейты возвращаются в деревню, ласково поглядывая на своего любимого пастуха. Летом им будут остригать шерсть, а зимою станут откармливать картофелем и пшеном. И в экипажи их можно будет впрягать. Настоящим солидным хозяином будет считаться только тот, который приедет в город на четверке белых медведей. А скотницы будут доить медведиц.

Следом за медведицей к кораблю собралось множество медведей, но я натер свою шубу хлороформом и звери стали для меня безопасны. Пока они разгуливали по кораблю, я соображал следующее: на Северном полюсе обитает наверное несколько тысяч медведей, — не живут же они одним воздухом. Животные, которые годятся им в пищу, очень редко попадают в эту страну. Три месяца медведи, положим, обеспечены, так как китоловы оставляют им все мясо убитых китов, годное в пищу лишь одним медведям. Но чем же питаются они остальные девять месяцев?

Наверное, у них где-нибудь имеется неистощимый запас пищи. Быть может, есть громадная ледяная пещера, в которой допотопные животные целиком сохранились до сего времени между ледяными пластами. Красноречивым подтверждением моего мнения служит то, что белые медведи среди сибирских ископаемых льдов находили мамонтов и питались ими. Говорили, что мясо этих гигантов было совершенно свежее, как у только что убитого животного.

«Постараюсь, — думал я, — добраться в пещеру, где хранятся их запасы». До сих пор целым поколениям медведей приходилось добывать себе запасы эти из-под льда лишь с большим трудом. Я же, имея в своем распоряжении топоры, ломы и несколько бочек пороха, несравненно легче буду доставать провизию и для них и для самого себя. Запасов наверное хватит нам до скончания века, да и другим еще останется.

Да, призрак голодной смерти навсегда был бы изгнан с Земли Франца-Иосифа (конечно, только с той, которая находится у Северного полюса. Прошу не смешивать с ее одноименной землей между Дунаем и Тиссой).

Мне удалось запрячь медведей в сани и добраться до ледяной скалы, в которой зияло полукруглое отверстие едва в высоту человека, как раз такого размера, что сани могли пройти в него.

Прежде чем ввести уважаемых читателей в пещеру, я постараюсь объяснить, каким образом она могла очутиться тут со своими мертвыми обитателями. Что в ледяных горах Северного ледовитого моря находятся мамонты — это факт, не подлежащий никакому сомнению. Но так как мамонт может обитать только в жарком поясе и питаться лишь травой не ниже бамбукового тростника, здесь же имеется только лед вместо какой бы то ни было травы, то само собою является вопрос, как мог попасть в лед мамонт, или как мог образоваться лед вокруг мамонта.

Вот как я решил этот замысловатый вопрос. В плиоценовую эпоху (Риосене), как известно, поверхность земли то поднималась, то опускалась, почему на земле происходили большие изменения.

Еще в сравнительно недавнее время наблюдались изменения земной коры: храм Юпитера-Сераписа в Пуццуоле сначала совершенно погрузился в море, а потом снова поднялся из него на большую высоту, чем прежде. Вгнездившиеся в стены и колонны храма раковины фолалы доказывали, как глубоко он сидел в море.

При подобных волнообразных движениях земной коры все животные в паническом ужасе спешили обратиться с мес-

та катастрофы и инстинктивно забирались в мрак пещер. Ну, а как они попали именно в ледяные пещеры, или как попал к ним в пещеры лед?

А вот как: одновременно с волнообразными движениями земной коры некоторые слои ее местами трескались и отрывались. Из глубоких трещин вырывалось пламя горевшего внутри земли огня, между тем как морские воды наполняли образовавшиеся провалы и углубления. Последствием этого явилось массовое испарение воды. По закону же физики при мгновенном переходе жидкого тела в газообразное состояние поглощается много теплоты и развивается много холода. Кто желает в этом удостовериться, тот пусть посетит завод, где производится искусственный лед посредством жарко натопленных печей.

Таким образом вследствие внезапно наступившего испарения сразу образовался лед. Под трещинами поднимавшейся вверх земной коры просочившаяся вода превращалась в лед. Когда же через некоторый промежуток времени поднявшийся был слой снова вдруг опадая, то пещеры мгновенно наполнялись водой и обитатели их тонули.

Вода, раньше проникшая под этот слой, уже была превращена в лед. Как известно, лед благодаря своему весу не может опускаться ни под каким давлением. В силу этого образовавшийся во время растрескивания земли лед в свою очередь поднялся вверх со всем находившимся на нем слоем земли и таким образом создался плавающий остров, покоящийся на льду.

Известно, что и у моря есть течение, стремящееся с юга на север. В недавние времена это течение было гораздо сильнее настоящего. Доказано, что Флоридские острова, обязанные своим происхождением непрерывной деятельности кораллов, понемногу дали течению другое направление.

Это течение овладело плавающим островом и привело его к ледяным горам Северного ледовитого океана, между которыми оно и застряло. Таким путем и очутились тут мамонты вместе со своим убежищем – пещерою.

Построив такую убедительную теорию, я въехал на санях в пещеру, в глубине которой возвышался снежно-белый,

отполированный зубами животных скелет мамонта. Над ним же, примерзший к блестящему своду, как бы летал в воздухе чудовищных размеров плезиозавр, т. е. рептилия, одетая в природный панцирь с длинной лебединой шеей, страшными зубами в разинутой пасти и чешуйчатым хвостом.

Какие же еще неисчерпаемые сокровища находятся в этой пещере?

Повсюду обрисовывались сквозь лед очертания первобытных зверей. У некоторых виднелись только одни чудовищные головы удивительно странных форм. Остальные

же части скрыты подо льдом. И мясо всех этих животных, пролежав двадцать тысяч лет подо льдом, оказалось вполне съедобным.

Теперь голод уже не угрожал мне и я мог предпринимать долгие путешествия по пещере в поисках выхода, свободного от медведей. Блуждая среди тесных коридоров и маленьких пещер, я наконец очутился в громадной пещере. Она была не особенно высока, но очень длинна и широка. В ней царствовал положительно непроницаемый мрак. Стены ее состояли из магнитного железняка и авгита, казавшегося издали зеленым, а вблизи – радужным. Свод был весь из долорита. Дно пещеры занимало озеро, гладкое и неподвижное, как зеркало.

Я взял валявшийся у меня под ногами камень и сердито швырнул его в эту неподвижную поверхность.

Тут случилось нечто невероятное. Озеро оказалось наполненным базальтом в жидком состоянии, но уже настолько остывшим, что он был готов к кристаллизации. Недоставало лишь падения ничтожного камешка в эту массу, чтобы совершилась кристаллизация.

Когда брошенный мною камешек коснулся поверхности озера, пещера внезапно наполнилась ослепительным сиянием, которое всегда предшествует кристаллизации; когда оно угасло, раздался оглушительный грохот.

Через секунду перед моими изумленными глазами внезапно поднялись из бездны шестиугольные колонны, окружностью в два метра с лишком. Все они были одинаковой величины и возникали густыми, тесно сплоченными рядами.

Не останавливаясь перед сводом, базальтовые колонны пробили его с такою силою, какая не поддается человеческому вычислению. Только что родившийся базальт полминуты тому назад представлял собой совершенно мягкую массу, вроде студня, а теперь прорезал твердый и массивный каменный слой с такой же легкостью, с какой острый нож режет бумагу.

Вследствие громадного трения и давления вся масса долорита, через которую проложил себе путь базальт, раска-

лилась докрасна, а там, где базальт еще соприкасался с доломитом, он тоже пламенел. Наконец все колонны тоже засияли огнем и сделались точно прозрачными. Вся пещера казалась наполненной пламенем.

Когда жидкое тело переходит в состояние кристаллизации, то уже само собою вследствие освобождения скрытой теплоты является сильное повышение температуры. Тут же от невообразимо страшного трения жар стал воистину вулканический.

Сила базальтового превращения совершила большие перемены и в преграждавших мне путь сланцевых наслоениях. Аккуратно нагроможденные одна на другую сланцевые плиты теперь лежали в хаотическом беспорядка с обращенными друг к другу острыми ребрами и краями.

В одном месте между поднявшимися горизонтально плитами образовалось треугольное, метра в три вышиною, отверстие, откуда проникал холодный воздух.

Направившись в это отверстие, я попал в совершенно круглое, шарообразное пространство — «хрустальный погреб».

Вся пещера так и сверкала, мерцала, сияла и переливалась миллиардами разноцветных искр. Радужные лучи перекрещивались во всех направлениях. Картина была поистине волшебная.

Посреди пещеры, прямо против устроенного мною входа шла галерея. На ней стояло четырнадцать гигантских колонн. Обойдя кругом одну из них, я приблизился к другой, задней, и вдруг в сильнейшем испуге отскочил: в середине хрустальной призмы стоял... человек.

Как в маленьких кристаллах хрусталя и кусках янтаря часто попадают жуки, кузнечики и стрекозы, так и в этой громадной призме был заключен доисторический человек, стоявший во весь рост.

Да, это было не четверорукое существо, не обезьяна, но homo primigenius — первобытный человек.

Человек этот, мужчина почти шести футов ростом, стоял с немного приподнятыми руками и сжатыми кулаками. У него был высокий гладкий лоб, поражавший тем, что пред-

ставлял во всей фигуре единственное место, не покрытое растительностью. Грудь, шея, плечи, руки и ноги – все было покрыто шерстью. Это было животное, только с человеческими формами, с высоким выпуклым черепом, большим выгнутым носом и с подбородком, образующим прямую линию с профилем.

Это был старик двадцати тысяч лет от роду.

Как он попал в кристаллическую массу?

Да так же точно, как попал бы и я в базальтовую колонну, если б поскользнулся и упал в озеро жидкого базальта.

Вероятно и этот человек, спасаясь от страшной геологической катастрофы, попал в пещеру как раз в то время, когда все дно ее было покрыто готовившейся к кристаллизации кремнекислотою. Эта кислота показалась ему водою. Быть может, он хотел переплыть ее, а то просто пожелал напиться, и в тот момент, когда он коснулся ее поверхности, родился кристалл.

Образование горного хрусталя не вызывает тех явлений, которые сопровождают рождение базальта: не было ни трения, ни прорыва, а потому не было и каления. Ведь попадись я в базальт, то не только испепелился бы, но из моего праха образовался бы какой-нибудь новый минерал, или металл.

Рождение горного хрусталя могло разве только вызвать такую степень тепла, которая не позволяла крови охладиться ниже нуля в течение ряда тысячелетий. Температура эта должна была сохраниться на вечные времена в хрустальной коре, служащей, как известно, самым дурным проводником тепла.

Кристаллическая масса одела его в одну секунду герметическим покровом. Дыхание, тепло и электричество – все условия жизни моментально были отрешены от внешнего мира. Кристаллическая оболочка отдаляла от тела все факторы того прекращения обмена веществ, который мы называем смертью. Кровь не могла застыть в жилах, но и не могла больше циркулировать, каждая часть тела прекратила свои действия, поры кожи более не способствовали

выделениям, но все-таки жизнь не исчезла, а только... заснула.

И эту жизнь можно было снова возбудить. Но вскрыть кристалл в полтора обхвата толщиной – не то, что взломать какие-нибудь гнилые доски.

Как достать первобытного человека из его хрустального гроба? Этот вопрос занимал меня в течение нескольких дней, когда я блуждал по пещерам. Во время прогулок меня ожидали новые приключения. Однажды я улегся спать, но вскоре мой сон был нарушен таким ужасным храпением, что я вскочил, пораженный ужасом.

Казалось, что в течение нескольких минут грохочет гром, который прерывается, чтобы возобновиться с еще большей силой. Что это значит?

Перед сном я всегда тушил свою жировую лампу, чтобы не сгорало зря масло.

Тем не менее я мог все видеть. Вода светилась. Сквозь волны пробивался фосфорический свет, образуя на гребешках их сплошное, хотя и слабое сияние. Брызги, летевшие на берег, казались огненными искрами. Посреди этого светящегося маленького моря лежала громадная бесформенная масса... Это был кит.

В нем было по меньшей мере сорок метров. Такого размера бывают дунайские пароходы. Голова его наполовину выступала из воды. Волны свободно переливались по огромной пасти; под густыми рядами роговых пластин, составляющих так называемый китовый ус, виднелся могучий жирный язык. Глаза были полузакрыты. Кит изволил почивать и своим богатырским храпом потрясал своды пещеры...

На хвосте этого чудовища покоился детеныш – прелестная маленькая крошка, величиной превосходившая взрослого буйвола. Но этот буйвол по понятиям китов был маленькое, хрупкое и беспомощное существо.

Я моментально сообразил, что можно воспользоваться молоком кита. Подоить его мне стоило невероятных усилий, но я был вознагражден за свои труды вкусным, питательным молоком. Все шло прекрасно, но однажды озеро вдруг засветилось необыкновенно ярким блеском, затем начался усиленный прибой волн и из воды вдруг показалась голова кита. В пасти у него сидел детеныш... И следом за ним на поверхности озера появился кашалот, самый страшный враг акулы и кита. Последнего он убивает единственно ради его языка, которым очень любит лакомиться. Так поступает он с большими китами, а маленьких съедает целиком и потому ожесточенно гоняется за ними.

У кита нет настоящих зубов; его пасть усеяна пластинками, которыми он даже не может кусать. Кашалот же обладает сорока восьмью зубами, все они сидят в нижней челюсти, а в верхней есть соответствующее количество отверстий. Эти зубы расположены правильным полукругом: спереди самые длинные, а затем по бокам все меньше и

меньше. Своею формою они напоминают огурец; самый маленький зуб кашалота весит килограмм, а большой – вдвое тяжелее. Одним ударом зубов кашалот может раздробить большую парусную лодку.

Кит – животное чувствительное, пожалуй даже нежное. Малейшее повреждение, причиненное ему, бывает для него смертельно. Удар пикою, часто едва заметный для человека, моментально убивает кита. Кашалот же уязвим только в двух местах: где голова соединяется с туловищем, возле восьмого позвонка и в брюхе. Череп его крепок, как булыжник, и когда он злится, то может ударом головы проломить бок корабля. Вот это-то чудовище и напало на моего кита.

Так погибла моя гигантская корова, но отчасти я был вознагражден мясом и жиром кашалота. В это время я задумался вот над каким вопросом: материк, на котором я обретался, покоится на громадной ледяной массе, принесшей его сюда. Появление китов поддерживало это предположение. Они могли пожаловать или из Гренландского моря или же из открытого Парри Северного ледовитого океана.

Материк удерживается на месте лишь расположенным кругом льдом. Если ему удастся прорвать это ледяное кольцо, он уплывет дальше. Но куда и как далеко может он уплыть?

Он может переправиться через Северный полюс в Америку. Морское течение снесло бы его этим путем. А что могло бы помочь материку освободиться? Помогло бы великое землетрясение. Но как же его устроить?

Вот над этим вопросом я и ломал себе голову.

К счастью, мне удалось наткнуться на следы нефти и вскоре в глубокой пещере я открыл настоящий нефтяной вулкан. На дне бездны пузырился асфальт, происходящий из нефти.

Одна пустячная спичка могла бы произвести здесь катастрофу, способную перевернуть все вверх дном. Взрыв громадного скопления нефти даст материку такой сильный толчок, вследствие которого он непременно оторвется от окружающих его ледяных масс.

Но как мне устроить эту сцену и как уберечься от опасности? Первое было нетрудно. Я принес с собою динамитные патроны, снабженные бикфордовым зажигателем, и двести метров серной нити.

Я прикрепил динамитный патрон к серной нити, а последнюю привязал к выступу над бездной, так что патрон опускался на один метр в глубину.

Потом, постепенно отступая назад по ущелью, я развернул весь свой запас нити, а сам спрятался в хрустальном гроте.

Ужасающий грохот потряс скалы. Хрустальная колонна с заключенным в ней первобытным человеком лопнула и он вышел наружу живой и невредимый. Из другой колонны точно так же освободилась девушка – его внучка, и я с моими новыми спутниками выбрался на поверхность земли. Моему удивлению не было границ, – до такой степени велика была перемена, происшедшая во время моего пребывания во внутренности гор. Прежде всего меня поразило то, что термометр показывал выше нуля.

Одно вулканическое извержение не могло произвести повышения температуры в целой области. Вероятно, загорелись со всех концов каменноугольные залежи. От такого количества теплоты, конечно, может нагреться и воздух на большом расстоянии.

Горящие берега материка отталкивают лед, заставляя его отступать все далее и далее.

Весь остров медленно двигался на север, пролагая своим горящим носом путь между ледяными горами. Отлично. Я с кораблем могу направиться вперед, а земля подплывает за мною – великолепная движимая собственность.

Однако я вызвал сильную пертурбацию в природе и немного вокруг все изменилось. Постепенно возобновляющиеся облачные массы не допускали преобладания холода и на острове установилась тропическая жара.

Разгоревшаяся земля начала давать испарения; образовались болота, а в них появились новые животные и растения. Весь остров превратился в громадную оранжерею.

Но оранжерея эта просуществовала недолго. Внезапно поднялся сильный ветер, в течение нескольких дней я не мог выйти из своей хижины, а когда наконец выглянул наружу, вокруг снова царил настоящая полярная ночь.

Оказывается, морское течение перевернуло весь остров и нефтяной вулкан очутился на другой стороне и горел уже не ярче маяка.

Красная облачная завеса исчезла с неба; вместо нее появились снежные тучи, и вокруг нас все уже было покрыто густым слоем снега. Но вот засверкали звезды, а над самыми нашими головами запламенел огненный венок северного сияния.

Мы очутились на Северном полюсе. Над нами отвесно стоит полярная звезда, магнитная стрелка неопределенно качается во все стороны.

Когда наконец погасло чудное сияние и на небе всплыла полная луна, я увидел, что все было покрыто нежным розовым цветом. Я нагнулся и поднял горсть снега – он тоже был розовый.

Это не были споры маленького растения, названного *Sphaerella nivalis* (красный снег), которые по описанию капитана Росса иногда покрывают на севере морской берег, – нет, на этот раз снег окрасился розовым цветом совсем по другой причине. Это был продукт доведенной до точки кипения каменноугольной смолы в соединении с кислотами морской воды. Испарения этих химических соединений поднимались кверху, смешивались с облаками и падали на землю в виде окрашенного снега.

Так и плыл по синему океану никем невиданный ранее розовый остров. Птицы покинули нас. Остался только один дикий гусь. С этим гусем я и пошлю в свет описание всего виденного мною на глубоком севере.

Быть может, гусь доставит в верные руки мои записки. Быть может, явятся за нами люди... Впрочем, где же искать нас? Ведь мы мчимся неизвестно куда...

Писано в вечную ночь на девяностом градусе северной широты».

Этим и закончена удивительная рукопись.

Комментарии

Произведения, ранее переводившиеся на русский язык, публикуются по оригинальным изданиям с исправлением очевидных опечаток; за некоторыми исключениями, сохранены особенности орфографии и пунктуации.

А. Фористер. Меганейра

Впервые: Вокруг света, 1936, № 12.

Автору, явно выступавшему под псевдонимом, принадлежат несколько фантастических и приключенческих произведений, опубликованных в журнале «Вокруг света» в 1936-1937 гг. Биографических сведений о нем не имеется.

С. 13. ...*гифы живого гриба* – Гифа – одноклеточное или многоклеточное нитевидное образование у грибов, помогающее им поглощать воду и питательные вещества.

У. А. Куртис. Чудовище озера Ламетри

Впервые: Pearson's Magazine, 1899, август. Перевод М. Фоменко.

Уордон Аллан Куртис (1867-1940), американский писатель и журналист, родился в семье армейского капитана. После окончания Висконсинского университета (1889) и до середины 1920-х гг. работал в газетах, в частности *Chicago Daily News* и *Boston Herald*. По крайней мере с 1899 г. публиковал фантастические и научно-фантастические произведения, из которых наиболее важным считается включенный в наше издание рассказ.

С. 24. ...*Тайхоберский университет* – т.е. Висконсинский. Тайхобера (точнее Тайхопера) – индейское название района Четырех озер в Мэдисоне.

С. 25. ...*теория полярных отверстий Саймса* – В 1818 г. капитан американской армии Д. Саймс (Symmes, 1779-1829) выдвинул теорию полой Земли, состоящей из четырех концентрических сфер и внешней оболочки с гигантскими отверстиями на полюсах; каждая из внутренних сфер, по мнению Саймса, также имела отверстия на полюсах. Эта теория получила широкую известность благодаря лекционным турне Саймса и сочинениям его последователей.

С. 25. ...*острой формой диспепсии* – Диспепсия – расстройство пищеварения.

С. 27. ...*плавника* – Плавник – стволы и ветви деревьев, обломки судов и т.п., плавающие в воде или выброшенные на берег.

С. 37. ...*каллиопы* – Каллиопа – паровой орган, использующий пароводные или паровозные гудки и отличающийся громким звуком.

С. 37. ...«*Где ты взял эту шляпу?*» – Популярная комическая песенка, написанная американским комедиантом и акробатом Д. Салливаном в 1888 г.

С. 39. ...*Вильгельму Брейтфогелю* – В оригинале адресат письма назван здесь «Вильямом», тогда как в начале рассказа – «Вильгельмом»; в целях единства в переводе сохранено имя Вильгельм.

Александр М. Филлипс. Конец лунного мира

Впервые на русском языке: В мастерской природы, 1929, № 12 за подписью А. Филиппс и в переводе В. Останковича.

Александр Мур Филлипс (1908-1991) – американский фантаст, топограф. Участвовал во Второй мировой войне, служил в Египте и Палестине. Печатался в журналах *Amazing Stories*, *Wonder Stories* и *Unknown* и был председателем Филадельфийского общества научной фантастики.

Х. Тристрам. Бухта страха

Впервые на русском языке: Вокруг света (Ленинград), 1927, № 8.

С. 69. ...*декаподом* – Декаподы – десятиногие моллюски (карака-
тицы, кальмары) и ракообразные.

Фил Робинсон. Последний из вампиров

Впервые: Contemporary Review, 1893, январь-июнь. Перевод М.
Фоменко.

Филипп Стюарт Робинсон (1847-1902), публиковавшийся под име-
нем «Фил Робинсон», натуралист, писатель, журналист и один из
пионеров англо-индийской литературы, прожил довольно бурную
жизнь. Он родился в Индии в многодетной семье военного свя-
щенника и до 30 лет успел побывать редактором англоязычных
изданий, цензором и профессором логики, литературы и фило-
софии в Аллахабадском колледже. С 1877 г. Робинсон жил в Анг-
лии, работал в газетах и освещал военные конфликты в Афгани-
стане и Египте как корреспондент *Daily Telegraph*, *Daily Chronicle*
и др. изданий. В качестве корреспондента *Pall Mall Gazette* и
позднее *Associated Press* в 1898 г. побывал на Кубе во время испа-
но-американской войны. Военные тяготы, включая лихорадку и
пребывание в плену, подорвали здоровье Робинсона, и в послед-
ние годы жизни он писал довольно мало, хотя выпустил в общей
сложности около двух десятков книг.

С. 72. ...в *Белгравии* – Белгравия – фешенебельный и аристокра-
тический район Лондона.

С. 72. ...*Мараньон* ...*Чачапояс* – Соответственно, река (левый ис-
ток Амазонки) и город в Перу.

С. 72. ...*Бирундвурст* – Букв. «Пиво и сосиска» (нем.).

С. 74. ...*Пампа дель Сакраменто* – Район густых лесов и много-
численных протоков близ реки Укаяли.

С. 74. ...*тукупи* – Соус из корней дикого маниока, в сыром виде ядовит.

С. 75. ...*могучий охотник на жуков пред Господом* – Пародируется библейское описание Нимрода, «сильного зверолова пред Господом» (Быт. 10:9).

С. 76. ...*воорали* – Менее известное название кураре.

С. 77. ...*кенгуру Бэнкса или гориллы дю Шайлю* – Название «кенгуру» («кангуру») было впервые записано ботаником и натуралистом сэром Д. Бэнксом (1743-1820), участником первой экспедиции Д. Кука; франко-американский путешественник и антрополог П. дю Шайлю (1831?–1903) в середине XIX в. впервые в современной научной истории подтвердил существование горилл.

Портер Эмерсон Браун. Диплодок

Впервые: Los Angeles Herald, 1908, № 340, 6 января. Перевод М. Фоменко.

Портер Эмерсон Браун (1879-1934) – американский писатель и плодовитый драматург; некоторые его пьесы неоднократно экранизировались в 1915-1941 гг.

С. 81. ...*Бербанк* – Лютер Бербанк (1879-1946), знаменитый американский ботаник и селекционер; за свою долгую карьеру вывел свыше 800 новых сортов овощей, фруктов и т.д.

С. 81. ...*сакоташ* – Блюдо из смеси кукурузных зерен и фасоли.

Мэнли Уэйд Уэллман. Во тьме веков

Впервые на русском языке: Знание-сила, 1946, № 7, за подписью Мэнли Уод Уэллен и в переводе З. Бобырь.

Мэнли Уэйд Уэллман (1903-1986) – известный американский писатель, отметившийся во множестве жанров, от научной фантас-

тики до документальной прозы, исторического романа, детектива, вестерна и т.д. Уроженец португальской Западной Африки (ныне Ангола), сын врача, Уэллман вырос и получил юридическое образование в США. В 1920-х гг. работал в газетах в качестве кинокритика и криминального репортера. С 1940-х гг. активно публиковался в таких журналах, как *Weird Tales*, *Wonder Stories*, *Astounding Stories*, *The Magazine of Fantasy and Science Fiction* и т.д. Был награжден многочисленными премиями, включая премию Э. По и «World Fantasy Award». По собственным подсчетам, написал около 500 произведений, из них 80 в жанре НФ и фэнтези. Наиболее известные из них – рассказы ужасов, действие которых происходит в горах Аппалачи.

Русская публикация этой небольшой повести (в оригинале она называлась «День завоевателей») сопровождалась редакционным примечанием, которое мы приводим ниже:

Примечание редакции

«Во тьме веков» – фантастическая повесть. В ней обрисована жизнь первобытных охотничьих орд. Писатель придумал героев повести, но при этом он использовал данные науки о жизни наших далеких предков. Ученые отыскивали пещеры первобытных людей и развалины свайных построек, вроде того острова, на котором жили сородичи Джомы Рыболова. Свайные постройки – одно из величайших достижений изобретательского гения доисторического человека. Ученые раскопали в земле каменные орудия и нашли остатки древних луков. Они точно установили, что много тысячелетий люди пользовались каменными топорами и ножами, прежде чем научились изготавливать орудия из металла.

Конечно, наука не может точно сказать, когда и как был изготовлен первый железный меч. Известно, что на земле железо в чистом виде не встречается – оно бывает только в виде железных руд. Однако ученые открыли, что в эпоху каменного века некоторые племена выделявали металлические предметы из остатков метеоритного железа, которое обычно содержит 4-10% никеля, а также примеси кобальта, меди и углерода и, следовательно, по составу на сталь, пригодную для выделки оружия. Автор повести «Во тьме веков» создал увлекательную легенду о первобытном изобретении, появившемся в итоге удивительного

стечения обстоятельств – падения раскаленного, огненного метеорита на место, где угольный пласт выходил на поверхность земли.

Повесть напечатана в сокращенном виде.

Мор Йокаи. 20.000 лет среди льдов

Впервые на русском языке: Вокруг света, 1930, № 20. Сокращенный перевод романа *Egész az északi pólusig* («Да самого Северного полюса», 1876).

Мор Йокаи (1825-1904) – романист, драматург, политик, известный гурман и шахматист-любитель, классик венгерской литературы XIX в. Среди громадного количества написанных им произведений есть и авантюрные, и научно-фантастические романы, включая и такое важное произведение, как масштабный «Роман будущего века» (1872), в котором Йокаи предсказал русскую революцию и возникновение в России тоталитарного общества. Блестящая пародия «До самого Северного полюса» («20.000 лет среди льдов») была навеяна как романами Ж. Верна, так и австро-венгерской полярной экспедицией К. Вейпрехта и Ю. Пайера на шхуне «Адмирал Тегетгофф» (она-то и упоминается в начале романа). Шхуна экспедиции, отправившейся в 1872 г. на поиски Северо-Восточного прохода, была затерта льдами и в августе 1873 г. принесена к берегу неизвестной земли, которую исследователи назвали землей Франца Иосифа в честь австро-венгерского императора.

Редакция журнала «Вокруг света» – явно опасаясь, что роман будет воспринят как идеологическая диверсия – снабдила публикацию небольшой вводной заметкой и пространным послесловием. Публикация, утверждала в нем редакция, есть не что иное, как эпизод борьбы за «правильную», «социалистическую» научную фантастику – и против всевозможной «берроузовщины» и «тарзанщины»:

«Большинство научно-фантастических романов построено на каком-нибудь допущении, которое сильно расходится с действительностью, но позволяет писателю разворачивать действие романа. Так, например, в романе Жюль-Верна межпланетные путешественники отправляются на луну в огромном пушечном ядре.

Если бы это произошло в действительности, то для героев находиться в момент выстрела в ядре было бы равносильно смерти. Но, допустив такую невероятную возможность, что путешественники остались целы и невредимы, Ж. Верн смог дать прекрасное описание полета в межпланетное пространство и, заинтересовав читателя увлекательной фабулой романа, сообщил много ценных сведений из астрономии.

Развитие техники, необычайный интерес к ней, успех произведений Жюль-Верна, – все это привело к тому, что в конце XIX и в начале XX века появляется бесчисленное количество научно-фантастических романов. Многие из них к науке не имеют никакого отношения, а фантастика в них самая убогая.

Такие псевдо-научно-фантастические романы обычно построены на совершенно нелепых выдумках, которые выдаются за научные теории. В этом отношении особенно показательны произведения Э. Берроуза, автора пресловутого «Тарзана». Фантастика Берроуза совсем не убедительна. Тарзан, выросший среди обезьян, никогда не мог бы научиться человеческому языку только по книжке. Правда и Ж. Верн пользовался неверными в научном отношении теориями, но он обогащал читателя действительными знаниями, а какие цели преследует Берроуз? Он пытается доказать, что англичанин является господином земного шара, что перед ним преклоняются даже дикие звери. Берроуз не одинок, – у него есть и предшественники и продолжатели, и вот их-то и осмеивает М. Иокай в своем романе.

«20.000 лет среди льдов» – остроумная пародия на научно-фантастические романы, на старание многих писателей придумывать разные «теории» для того, чтобы сделать свои произведения интересными. В романе Иокая буквально нет ни одной страницы, на которой мы не нашли бы вопиющего противоречия научным данным. Это – своеобразный ученый барон Мюнхгаузен, рассказывающий всевозможные нелепости с необычайной серьезностью. Развивая невероятную теорию о происхождении полярных льдов от вулканического извержения, Иокай ссылается на найденных в Сибири мамонтов, на поднявшийся из моря храм и т. д. Все это делается для того, чтобы уверить читателя в самых фантастических вымыслах. Попробуем подсчитать их количество в романе Иокая:

1) Оставленный матрос сожалеет, что у него нет вина, чтобы уберечься от цинги. Вино лекарством от цинги не является. 2) Захлороформированные медведи становятся кроткими, как овцы. Нигде никогда подобный опыт не ставился. 3) Белые медведи

питаются рыбой, а не мясом доисторических животных. 4) Последние не могли оказаться среди плавучих льдов Арктики. Теория вулканического происхождения полярных льдов – чистейший вымысел. 5) Такой же вымысел и рассказ о кристаллизации базальта и горного хрусталя. 6) Первобытный человек ни в коем случае не мог попасть в кристалл и сохраниться в течение 20.000 лет. 7) Киты никогда не достигают размера 40 метров. 8) Кашалоты – такие же мирные животные, как и киты. Рассказ Иокая об их свирепом нраве – сказка. 9) Еще большая сказка – рассказ о нефтяном вулкане и т. д.

Осмеивает М. Иокай и излюбленного авторами научно-фантастических романов героя, необычно храброго и решительного, умеющего найти выход из любого положения и не задумывающегося над разрешением самых сложных вопросов. Герой романа «20.000 лет среди льдов», простой матрос Пиетро Галиба, обнаруживает богатейшие познания, строит целые научные теории, ссылается на ряд фактов и т. д. Багаж этого удивительного путешественника велик до неправдоподобия. У Пиетро Галиба оказываются и бикфордов шнур, и динамитные патроны, и даже фотоаппарат, и пленки из коллодия. Все это будто бы он вез на одних санях. Наконец М. Иокай осмеял и шаблонное начало научно-фантастического романа: таинственная рукопись на неведомом языке, чудесным образом попадающая к великому ученому.

Но какое же значение имеет эта пародия для советского читателя, чем она интересна и чем поучительна? На примере романа М. Иокая мы можем убедиться, что не всякий «научно-фантастический» роман по названию является таким же и по своему содержанию. Теории, которые развивает писатель, нельзя принимать на веру, – их необходимо проверять, пользуясь действительно научными данными. Но зато, если эта проверка оправдала наши надежды, мы должны еще более ценить подлинный научно-фантастический роман, раскрывающий перед нами широкие возможности использования сил природы для строительства великой социалистической культуры».

Оглавление

А. Фористер. Меганейра	8
У. Куртис. Чудовище озера Ламетри. <i>Пер. М. Фоменко</i>	24
А. Филлипс. Конец лунного мира. <i>Пер. В. Останковича</i>	43
Х. Тристрем. Бухта страха	53
Ф. Робинсон. Последний из вампиров. <i>Пер. М. Фоменко</i>	72
П. Браун. Диплодок. <i>Пер. М. Фоменко</i>	81
М. Уэллман. Во тьме веков. <i>Пер. З. Бобырь</i>	96
М. Йокаи. 20.000 лет среди льдов	120
Комментарии	137

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.